

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЧелГУ»)

Костанайский филиал

А.М. Кусаинова

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО КАЗАХСТАНСКОГО
ПИСАТЕЛЯ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА**

Монография

Костанай, 2020

УДК 821.0(574)
ББК 83.3(5Каз-Рус)
К 94

Рекомендовано Ученым советом
Костанайского филиала Челябинского государственного университета

Рецензенты:

Шаймиев В.А. – профессор кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, доктор филологических наук.

Самамбет М.К. – профессор кафедры иностранной филологии КРУ им. А.Байтурсынова, кандидат филологических наук

Кадралинова М.Т. – доктор филологических наук, заведующий кафедрой Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Кусаинова А.М.

К 94 «Мировоззренческие концепты в творчестве поликультурного казахстанского писателя Г.Бельгера»: Монография. – Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2020. – 78 с.

ISBN 978-601-343-575-6

Монографическое исследование посвящено изучению концептов *судьба, память и родина* и специфики их проявления в произведениях трёхязычного казахстанского поликультурного писателя Герольда Бельгера. Выбор данных концептов обуславливается тем, что они являются одними из ключевых и уникальных концептов как в русской, казахской, так и в немецкой картинах мира. Особенность феноменов концептов *судьба, память и родина* заключена в комплексности их глубинного содержания, включающих в себя как общие ментальные принципы и установки, так и личностно-индивидуальное мировоззрение. Монография предназначена для педагогов высшей школы гуманитарного профиля, аспирантов.

УДК 821.0(574)
ББК 83.3(5Каз-Рус)

ISBN 978-601-343-575-6

© Кусаинова А. М., 2020
© Костанайский филиал ФГБОУ ВО
«Челябинский государственный университет», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1 Мироззренческий концепт судьба и его реализация в творчестве Герольда Бельгера	6
1.1 Концепт <i>судьба</i> как один из ключевых концептов.....	6
1.2 Вербализация концепта <i>судьба</i> в творчестве Герольда Бельгера.....	8
1.3 Понятийный компонент концепта <i>судьба</i> у Герольда Бельгера	15
Глава 2 Концепт память и его отражение в творчестве Герольда Бельгера	18
2.1 Концепт <i>память</i> в современных исследованиях	18
2.2 Отражение понятийного компонента концепта <i>память</i> в произведениях Герольда Бельгера	24
Глава 3 Концепт родина и его отражение в творчестве Герольда Бельгера	36
3.1 Концепт <i>родина</i> в современных исследованиях	36
3.2 Отражение концепта <i>родина</i> в творчестве Герольда Бельгера.....	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	70
Список текстов художественных, критических и публицистических произведений Герольда Бельгера	72
ПРИЛОЖЕНИЕ А	74
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	77

ВВЕДЕНИЕ

Концепт является одним из основных понятий когнитивной лингвистики. В настоящее время не случайно именно он привлекает внимание современных исследователей, работающих в области лингвокультурологии, психолингвистики, культурологии, философии, логики, психологии и многих других наук.

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологии и рассматривает отражение судьбы человека, роль памяти и проявление чувства родины в произведениях трёхязычного казахстанского писателя Герольда Бельгера.

Известный казахстанский учёный С.В. Ананьева пишет о творчестве Герольда Бельгера так: «Его проза эволюционирует от лаконичных новеллистических форм до развёрнутого повествования, от жизненного факта – к истории судьбы. Автобиографическое начало пронизывает всё творчество писателя. Романное мышление определяет последние по времени создания произведения. Идея нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа – ведущая в романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов». Дом скитальца – это его память. Концепты родины, памяти, дома, дороги – сквозные в его богатейшем и разнообразном наследии.

Концепт исторической памяти является определяющим в романе «Туюк су», как и мотив пути: «Люди – песчинки, перекасти-поле. Куда его ветер погонит – лишь Аллах знает» [24]. В романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы творчества. Это многоплановые произведения, с разветвлёнными сюжетными линиями, обладающие стройной композицией, подводящие своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимающие их на новый уровень художественного обобщения. В них отражены целые пласты народной истории: репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность.

Множество актуальных вопросов ставит в романе «Туюк су» Г. Бельгер. Некоторые пока остаются без ответа. Но в том-то и проявляется прозорливость писателя, что он одним из первых акцентирует на них внимание. Так кто же он, главный герой романа – бывший спецпереселенец, поздний возвращенец: «Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...» [24].

Одним из самых частотных ключевых понятий современной науки является концепт *память*, который активно используется как в научных исследованиях, так и в художественных произведениях авторов. Е.С. Кубрякова, анализируя слово *память*, предлагает рассматривать «когнитивную карту слова» как «отражение наиболее употребительных контекстов слова»; как «констатацию всех направлений, по которым идут семантические преобразования слова», как «рекомендацию к более полному лексикографическому представлению значений слова» [20].

Концепт *родина* стал привлекать внимание языковедов в конце 90-х гг. XX века, когда особо актуальными стали проблемы национальной идентичности и их отражение и выражение в языке. Анализу концепта *родина*

посвящены работы А. Вежбицкой, И.Сандомирской, В.Н. Телия, С.М. Толстой, а также круга этнолингвистов, объединяемых Е. Бартминьским в Польше. Эти работы выполнены в разных исследовательских техниках, число которых нельзя считать исчерпанными. Культурный концепт *родина* привлекает и далее внимание исследователей, поскольку он теснейшим образом связан как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией, воздействие которой на индивида осуществляется при помощи различных жанров текста, прежде всего, текстов политической пропаганды.

Анализируемые концепты, на наш взгляд, наиболее ярко были воплощены в творчестве Герольда Бельгера.

К исследованию нами привлечены художественные и публицистические тексты автора, а также его дневниковые записи разных лет.

Основные положения работы обсуждались на заседаниях лаборатории межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета и кафедры теории языка под руководством профессора Л.А. Шкатовой.

Глава 1 Мироззренческий концепт судьба и его реализация в творчестве Герольда Бельгера

1.1 Концепт *судьба* как один из ключевых концептов

Концепт *судьба* является одной из важнейших ментальных категорий в жизни человека и по-разному отражается в его культуре, сознании и языке. В свою очередь вербализация концепта также может влиять на судьбу его носителя.

Великий русский мыслитель XIX века Владимир Соловьев в эссе «Судьба Пушкина» писал: «Есть нечто, называемое *судьбой*, – предмет хотя не материальный, но, тем не менее, вполне действительный. Я разумею пока под *судьбою* тот факт, что ход и исход нашей жизни зависит от чего-то, кроме нас самих, от какой-то превосходящей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиняться» [29, с. 179].

С понятием судьбы тесно связано божественное предопределение, от которого напрямую зависит прошлое, настоящее и будущее людей, местонахождение каждой вещи. «Ничто и никогда для него (индивида) не проходит даром: ни согласие с историей, ни сопротивление ей, ни активность, ни бездействие, ни желание «просто» остаться собой. Срабатывает обратная связь. В старину это называлось *судьбой*» [6, с. 170].

Концепт *судьба* объединяет лексемы, интерпретирующие жизнь человека. Как правило, существительное *судьба* в русском языке имеет два значения:

- 1) «таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни»;
- 2) «события чьей-либо жизни».

Как отмечают многие исследователи, в русском языковом сознании в понятийное поле концепта *судьба* включаются *доля*, *недоля*, *рок*, *участь*, *удел*, *жребий*, *фатум*, *история*.

В словаре В.И. Даля *судьба* и *рок* противопоставлены друг другу: *судьба* – тот, что выносит приговор, преследует, а *рок* – палач, он ничего не решает, а только механически исполняет и потому неотвратим: *Без року смерти не будет; Роковые деньги, роковые поступки*.

В.И. Даль, помещая слово *судьба* в словообразовательное гнездо глагола *судить*, определяет его как «неминуемость в быту земном», «участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, пути провидения» и выделяет огромное количество частных производных, выводимых из базовой семантики *судьбы* [12, с. 452].

Понимание *судьбы* как высшей силы нашло отражение во всех толковых словарях русского языка. В четырехтомном академическом словаре у слова *судьба* выделяются три значения, главное из которых 1) складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям – сила, определяющая все, что происходит в жизни) – *покориться судьбе, удары судьбы* [28, с. 302].

По мнению А. Вежбицкой, «*судьба* – ключевой концепт русской культуры. Эквивалента ему нет ни в английском языке, ни в англоязычной культуре»; *судьба* оказывается одним из самых характерных слов русского языка, поскольку соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой

картины мира: идею непредсказуемости будущего и идею, в соответствии с которой человек не контролирует происходящие с ним события. Только эти идеи присутствуют в понятии судьбы не одновременно, а сменяют друг друга, когда *решается судьба*. Пока *судьба* еще не решилась, будущее остается непредсказуемым, а человек может изменить свою судьбу и вообще может выступать как творец своей судьбы. Но как только судьба решилась, человек уже не властен над ходом событий, которые зато уже могут быть с той или иной степенью полноты предсказаны. Кроме того, представление о судьбе дает удобный способ примириться с непредсказуемостью жизни, с тем, что в ней может происходить то, чего мы вовсе не хотели бы. Такие сентенции, как *Такая уж у меня судьба; Не судьба была встретиться; Значит не судьба* представляют собою формулы «примирения с действительностью», столь характерные для русского дискурса [9, с. 86-88].

О возросшем интересе исследователей к концепту *судьба* свидетельствует появление большого количества фразеологических и паремических единиц, принадлежащих к концептуальной области *судьба*. На наш взгляд, представляют интерес параметры, касающиеся жизни людей, выделенные Е.Н. Сергеевой, которые подтверждают её вывод о противоречивости интерпретационного слоя концепта *судьба*: 1) *параметр предопределенности* интерпретируется как данное свыше каждому человеку счастье или несчастье, которое на протяжении всей жизни может быть постоянным, а может изменяться. Это зависит не только от высших сил, но и от самого человека; 2) *параметр неизбежности* интерпретируется как попытка изменить судьбу, что оценивается почти всегда негативно; 3) *параметр непознаваемости* интерпретируется как полное и как частичное незнание своей судьбы-жизни, с одной стороны, и как полная или частичная покорность субъекта судьбе-силе – с другой. В рамках этого утверждения формируются и развиваются различные смыслы концепта *судьба*, определяющие линию поведения человека по отношению к судьбе, такие как «смирение с неизвестностью судьбы», «стремление узнать судьбу», «бунт против судьбы», надежда на «авось» и счастливый случай [27, с. 148-149].

Также исследователь отмечает основные представления о судьбе, существующие в современном обыденном сознании носителей языка, трактуя её, во-первых, как: 1) надличностная сила, 2) орудие в руках высших сил, персонифицированных (Бог) или неперсонифицированных, 3) доля, жизненный путь человека.

Во-вторых, Е.Н. Сергеева подчёркивает наличие «вещных» гештальтов анализируемого концепта («дорога», «лабиринт», «круг», «вещество», «звезда» и др.), его коннотативных характеристик («горькое вещество», «ломкий предмет»), а также пространственно-временную соотнесенность судьбы с жизнью человека.

В-третьих, с их помощью она выявляет определяющую роль веры (неверия) человека в судьбу для когнитивного моделирования концепта.

По словам современного исследователя В.В. Колесова, в современном сознании людей наблюдается «сдвиг» в структуре ядра концепта «судьба»:

человек «перенимает на себя те высокие социальные функции и ранг, которые в прежнем своем быту он доверял небесам», и становится хозяином, режиссером своей судьбы.

Поэтому концепт «судьба» осознается носителями современного русского языка как уникальный, культурно-значимый, ключевой. Он предстает как постоянно развивающаяся, изменяющаяся сущность, доказательством чего служит деэтимологизация ключевых лексем, вербализующих концепт «судьба», а также появление у них новых значений.

Представленный в данной работе когнитивный анализ одного из самых значимых концептов русской культуры – концепта *судьба* – выполнен в рамках антропоцентрической парадигмы. Данный концепт осознается носителями современного русского языка как уникальный, культурно-значимый, ключевой. Он предстает как постоянно развивающаяся, изменяющаяся сущность, доказательством чего служит деэтимологизация ключевых лексем, вербализующих концепт *судьба*, а также появление у них новых значений.

Несомненно, многообразие значений концепта *судьба* обусловлено его изначальностью в лексическом составе и местом, занимаемом издавна в менталитете, а также длительной эволюцией, которую оно претерпело к настоящему времени.

1.2 Вербализация концепта *судьба* в творчестве Герольда Бельгера

Лингвокультурологические концепты, определяющие ментальность личности и народа, находятся в постоянном развитии. В вербальной реализации языковой личности семантическая парадигма концепта *судьба*, сохраняя свою национальную доминанту, обогащается, изменяется, ряд значений приобретает новые коннотации, а другие оказываются не востребуемыми, не развиваются.

Концептосфера нации, категория историческая, формируется всеми представлениями народа в течение многих веков в вербальной, невербальной форме в материальных и духовных продуктах. Концептосфера народа в каждом хронологическом срезе состоит из яркого калейдоскопа личных восприятий, которые образуют концептосферу этноса, отличающую менталитет одной нации от другой. Вклад уникальной языковой личности, его личное видение какого-либо концепта шлифует, обогащает оригинальными красками концептосферу нации.

Национальная картина мира базируется на общефилософских мировоззренческих основаниях, среди которых можно отметить такие, как *память, судьба, народ, родина*. При всех типологических сходствах каждый народ имеет отличительное от других народов восприятие этих концептов, так как, повторимся, каждая концептосфера нации формирует веками индивидуумы, личности. Поэтому, вероятно, уместно говорить о концептосфере личности.

Концепт не только слово, являющееся ядром понятия, а «результат, – как отметил Д. С. Лихачёв, – столкновения словарного значения слова с личным опытом человека», и при строительстве концептуальной системы человека вербализируется не изолированно, а в индивидуально неповторимых

контекстах, образующих, обогащающих периферию концепта. При изучении концепта личности поэтому важно выявить его словарное окружение, характеризующее индивидуальный мир автора, его лексическое богатство и неповторимость [22, с. 4].

Понятийное поле концепта *судьба* у Г. Бельгера представлено как «предназначение», «назначение», синонимами *рок*, *фатум*. В его текстах *судьба* может быть персонифицирована, быть не просто *судьбой*, а злой, неумолимой, коварной и пр.

У.Г. Бельгера входит в тройку наиболее частотных синонимов концепта *судьба* слово *рок*. В творчестве писателя показано индивидуально-яркое восприятие судьбы, многие герои активно противостоят ей, не смиряясь с происками судьбы. Анализ авторских текстов Бельгера ясно указывает на жизненный принцип писателя, состоящий в том, что в большинстве случаев не рок – судьба управляют жизнью человека, а сам человек. Таким образом, в его индивидуальном представлении судьба не имеет традиционно фатального значения, как, например, у М.Ю. Лермонтова.

Функциональное поле и периферии авторского концепта *судьба*

Герольд Бельгер, будучи яркой языковой личностью, сформировал свой концепт *судьбы*. Этому способствовали его генетические корни, уходящие в тысячелетнюю историю и культуру немцев, сложные перипетии судеб российских немцев, которые за триста с лишним лет впитали в себя богатую историческими коллизиями многонациональную культуру России. Жизнь самого автора неотделима от трагических судеб советских немцев, переживших сталинскую депортацию. Уникальна жизнь его семьи, оказавшейся фатально единственной немецкой семьёй в огромной казахской степи на берегу Есиля-Ишима: «С того времени и начинается отсчёт моей сознательной жизни. Река Есиль, прибрежный тугай, перелески, берёзовые колки, ковыльная степь..., бураны и ливни благодатного северного Казахстана я воспринял как родное, как нечто изначальное. Они вошли в моё сознание, в мою плоть. Вся моя жизнь, творчество, думы, дела, надежды связаны с Казахстаном» [20, с. 12].

Он, органично впитав богатейшую культуру и традиции трёх народов, ярко выразил в своём творчестве мировоззренческие интенции российских немцев, сумел философски осмыслить менталитет казахов, казахстанских немцев и русских. Поэтому многосторонний анализ «судьбоносного» концепта в творчестве Бельгера как нельзя лучше раскрывает языковую личность автора и синтез трёх культур в менталитете российских (можно продолжить – советских и казахстанских) немцев.

Концепт *судьба* является одним из самых частотных ключевых понятий Г. Бельгера, который активно используется им как в художественных, так и в публицистических произведениях, когда писатель делится своими собственными размышлениями или использует его в монологах героев.

Рассказывая о драматической и трагической судьбе немцев, депортированных в Казахстан, он пишет о своей судьбе, о том, что видел собственными глазами и через что ему пришлось пройти. Лейтмотив судьбы красной нитью проходит через всё его творчество и обрастает огромным

числом контекстуальных синонимов. В качестве примера мы в небольшом отрывке из его романа «Зов» отметили синонимы, а парафразы и обновлённые фразеологизмы к концепту *судьба* выделили подчёркиванием.

Так, автор отмечает: «И в самом деле, оказывался не раз на грани. И каждый раз каким-то образом выкарабкиваюсь. И потому давным-давно уверовал, что я для чего-то создан, что некая чудодейственная сила благоволит ко мне, оберегая меня... и я стал фаталистом и как-то самому себе внушил, что меня ведёт по жизни некое предназначение, судьба, что ли фатум, рок. Блажь, наверно. Самовнушение. Утешение. И всё же, всё же... Кто-то меня опекает. С некоторых пор придерживаюсь библейской формулы: что должно быть, то и будет, а что будет, то уже было.

Говорят: человек – кузнец своего счастья. Сам творит свою судьбу. Сам вырабатывает свой характер, своё кредо, свою манеру поведения в жизни. И я так полагал. Теперь же считаю, что далеко не все зависит от воли самого человека. Если некая таинственная сила, то, что казахи называют «күдірет», изначально не благоволит к тебе, то ты хоть расшибись, всё пойдёт у тебя сикось-никось, всё сложится наперекосяк, ибо шелудивый пёс твоей судьбы вдруг сорвался с цепи и понёсся, куда глаза глядят.

Всю жизнь, надрываясь, тащишь на себе свою нескладную судьбу – непосильный груз ящика Пандоры...» [26, с. 170-172].

Высказывания, отражающие «процесс проникновения в суть конкретного явления, его познания», когда *судьба* включена в состав предиката, могут являться ответом на вопрос о причине события: *Что это? Зачем это? Почему это?* или противопоставлением и актуализируют те смыслы, которые восходят к теме *предопределённости, неизбежности*, к тому, что *суждено*.

«Что же искала, к чему стремилась неумная душа моего друга? Что он нашёл там, на чужбине? Похоронил отца. Сам погиб. Мать пристроили в дом для престарелых. Сына взяли на воспитание добрые люди. Неужели *судьба*?» [10, с. 20]. «Вообще Владимиров – обладатель счастливой писательской биографии. Судьба, по-казахски выражаясь, всегда оборачивалась к нему благосклонным ликом. ... То, что он целых 14 лет находился не только вблизи, а РЯДОМ с незабвенным Д.А. Кунаевым, также редкий *дар судьбы*. И потому вполне естественно и закономерно, что книгу, о которой идёт речь, завершает цикл «Рядом с Д.А. Кунаевым» [16, с. 26]. «Таков *удел* любой талантливой личности, особенно если она находится на вершине власти» [16, с. 27].

«Такова диалектика *«линии судьбы»* немцев СССР» [16, с. 276]. «Трудно сказать, – задумчиво и тихо произнёс Христьян. – Коротко не ответишь. *Рок* какой-то... Должно быть, исторически так сложилось. Тесно было немцам в своих карликовых княжествах» [8, с. 205]. «Теперь и она оказалась на чужбине. Лежит в родной земле, а вокруг ни одной родной души. Навестит ли кто ещё её могилку? И уцелеет ли она?.. Такой вот *тяжкий жребий* выпал нам всем. За что?!» [8, с. 217].

В концепте *судьба* могут актуализироваться семы случайности – неожиданности, имеющие характер значительности (судьбоносности) какого-

либо события, когда предложения в тексте выполняют роль рассказа о конкретном случае и подготавливают к нему читателя.

«Спохватилась-таки судьба, настиг коварный инфаркт напоследок, ловко подставил ножку. Время, дескать, не уйдешь!» [26, с. 13].

Понятие «судьба», выступая объектом невидимого мира, имеет ограниченное употребление в сочетании с глаголами *благодарить*, *проклинать*, *молить*, *жаловаться*, *сетовать*, *уповать*. Подобные сочетания содержат оценочные высказывания, указывающие на то, что автор придаёт им особое значение. Такие суждения характерны для многих текстов, посвящённых осмыслению важнейших событий, происходивших в жизни человека.

«Благодарение Всевышнему, – всё чаще говорил он в кругу близких. – Жаловаться грешно. Не могу *сетовать на судьбу*. Не стану *гневить Творца*. Не стоит *проклинать* свою *судьбу*. Надо *благодарить судьбу* за всё, что было» [9]. «Тебя разве в ауле кто обижает? Тем, что ты немец, кто-нибудь попрекает? То-то и оно! Значит, нечего *сетовать на судьбу*!» [8, с. 251]. «Аллах даст, добавятся две снохи и два зятя, от них пойдут новые побеги, молодые копытца, чем плохо, нечего *гневить судьбу*» [10, с. 33]. «Так он лежал, бормотал что-то, плакал, *сетовал на судьбу*, подложив под спину старый овчинный полушубок» [8, с. 137]. «... Тянули исправно колхозную лямку и, казалось, ни на что не уповали. *Благодарили судьбу*, что их, наконец, избавили от опеки комендатуры, от надзора НКВД» [8, с. 65]. «Жили поначалу очень стеснённо..., *уповая на судьбу*, которая, по убеждению Гарри, когда-нибудь за все труды-лишения непременно воздаст» [8, с. 274]. «Национальная ментальность – штука тонкая и деликатная. На вопрос: «Как живёшь?» русский может запросто ответить: «Хреново». Казах так ни за что не скажет. Грешно. Всевышнего обидишь. И вообще не годится *жаловаться на судьбу*. Она ведь не в твоей воле. Поэтому казах говорит: «Слава создателю, хорошо» [12, с. 98]. «Сайын Муратбеков был грустен. «Ни чина не надо, ни кресла не надо. Одна мечта – писать. Вот мне уже сорок, иметь бы возможность писать ещё лет пять. По-настоящему! И я был бы *доволен судьбой*» [15, с. 132].

В сочетании с предикатами *смириться*, *противиться*, *верить*, слово *судьба* принимает те семантические признаки, которые диктуются валентностью глагола: *смириться с судьбой* = *смириться с плохой судьбой*; *верить судьбе* = *верить хорошей судьбе*. В подобных примерах признак событийности выходит на первый план в повествовании: «После этого случая Оскар-музыкант угасал на глазах. Он смирился со своей *горькой судьбой* и стал безразличным ко всему, что вокруг происходило» [10, с. 127]. «Тот мир – мир теней. И остался он только в тебе, в закоулках твоей памяти. И не возродить его. *С судьбой придётся смириться*. Всё, что было, уже не будет. А то, что будет, – это уже другое» [10, с. 92].

Отметим, что языковое богатство, разнообразие лексических средств Г. Бельгера ярко представлено в обилии самых разных, иногда неожиданных (как, например, географическая судьба) атрибутивных сочетаний со словом *судьба*. Наиболее частотны сочетания *своя судьба*, *судьба моя*, *счастливая судьба*, *хорошая судьба*, *горькая судьба*, *трагическая судьба*, *чёрная судьба*,

неожиданная судьба, такая судьба, великая судьба, печальная судьба, изломанная судьба, плохая судьба, немецкая судьба, русская судьба, казахская судьба, злая судьба, высокая судьба, таинственная судьба, одинокая судьба, роковая судьба, безжалостная судьба, неумолимая судьба, жестокая судьба, слепая судьба, короткая судьба, капризная судьба, тёмная судьба.

Есть примеры сопоставления профессиональной *судьбы* в анализируемых нами произведениях Г. Бельгера с непрофессиональной, когда в текстах появляются новые выражения: «История свидетельствует: реки человеческой крови лились почти всегда. Россия не составляла исключения. Может, наоборот. В ошибках *человеческих судеб* и общественных катаклизмов гибли миллионы» [16, с. 25]. «Факты трагические. И *судьбы трагические*. И только диву даёшься, как, несмотря на все испытания, унижения, моральный и физический гнёт, советские немцы всё же выжили, сохранили себя и даже находили счастье в самоотверженном и в созидательном дерзании национального характера. «*Судьба плохая, а я счастлив*, – говорит один из героев очерка А. Фитца» [16, с. 276].

«Ключевое слово в повествованиях Э. Матера – *судьба*. Оно, это слово, обыгрывается во всех вариациях на каждой странице его книг. И все его очерки, рассказы, главы повестей и романа построены по принципу сцепки причудливых, порою детективных *людских судеб*. А *судьбы разные*. Большею частью *трагические*. Жизнь не щадит героев Матера. ... *Злой рок* преследует несчастных людей» [7, с. 81]. «... Правда, остаётся ещё один фатальный вариант – тотальный исход. Но это ещё может быть благом для отдельных *людских судеб* (и то ещё как сказать!), но никак не благом для всего народа» [26, с. 355]. «Речь Президента длилась три минуты. Эти три минуты перечеркнули всё – немецкую историю, *немецкую судьбу*, немецкую боль, немецкие надежды в России» [16, с. 47].

Атрибуты, образуя синонимическую или понятийную цепочку определений, расширяют и углубляют понимание концепта *судьба*.

«С российскими немцами значительно сложнее: они где бы ни жили, тащат с собой *историческую, генетическую, географическую судьбу*, сложившиеся ещё на германской земле нравы и причуды...» [26, с. 198]. «И многонациональный Казахстан, и многострадальный, многотерпеливый казахский народ, и его своеобразный, самодостаточный язык достойны *великой судьбы*, как и его беспредельная ширь» [4, с. 124]. «Мне хотелось бы определить и уяснить хотя бы для себя это состояние, нащупать его оттенки, весь этот сумбур, хаос, выразить всё это в пределах своего чувственного опыта, но все мои попытки ни к чему не приводили, мысль неизменно дробилась, растворялась в *бездонных, необозримых человеческих судьбах*, и слова упорно ускользали, уводили в дебри, откуда не было выхода» [10, с. 9].

Благодаря семантическому сближению понятий «судьба» и «история» в произведениях Г. Бельгера, понятие «судьба» становится всеобщим и универсальным, поистине «мировой судьбой», поскольку война, переселение коснулись многих людей: «Наиболее тяжкую участь испытывают ныне казахи, которые, как сказал поэт, тысячу раз погибали и тысячу раз возрождались.

Нельзя бесконечно испытывать *судьбу народа*. Трагичность положения казахов выражается ещё в том, что по самым грубым подсчётам 4,5 миллиона соотечественников обитает ныне за пределами своей страны... в 44 странах мира. Живя десятилетиями в других странах, казахи, как и все национальные меньшинства, подвергаются неизбежной ассимиляции, аккультуризации, понемногу растрачивают себя, размываются, теряя национальное своеобразие. Цифры эти поражают, потрясают, угнетают душу. Не всем дано сердцем понять весь трагизм *такой судьбы*. Российским немцам это понятно: им уготована Всевышним *схожая судьба*» [5, с. 12]. (Статья «Размышления у монумента Независимости»). В данном случае понятие *судьба* может иметь историческую неотвратимость обстоятельств, в которых вынужден жить человек, быть ближе к понятию «рок» не в мистическом или религиозном смысле, а в историческом: «*Рок, обрушившийся на быка, настигнет и телёнка*».

Встречаются также в текстах автора и сочетания, в которых отмечены результаты творческого труда: *судьба рукописи, судьба казахского языка, судьба романа* или появляются словосочетания, мотивированные ненормативностью событий, имеющих историческое существование и порождающих рассказ о них: *судьба медали, судьба дома, судьба аула*.

Судьба может выступать как целостное, нечленимое событийное образование: *вираж судьбы, поворот судьбы, произвол судьбы, превратности судьбы, нескладница судьбы, судьбоносный миг, судьбоносный разговор, судьбоносное решение, прихоть судьбы, игра судьбы, что записано в Книге судеб, зов судьбы, знак судьбы, линия судьбы, дар судьбы*.

Судьбы героев произведений Г. Бельгера могут взаимодействовать друг с другом, входить в дискретные (прерывистые) отношения, могут оказывать влияние друг на друга, но могут также выходить из-под контроля, полностью меняться и тогда автор активно использует следующие сочетания: (*судьбы*) *переплелились, соединились, разорвались, слились, искривились, поломались, пересеклись, разъединились, разошлись, сплелись, объединились, стали одним целым*.

Именные сочетания с концептом *судьба* чаще всего используются в родительном падеже со значением несогласованного определения, условно мы такие сочетания с зависимым компонентом *судьба* назвали поссессивными словосочетаниями: *дар судьбы, рок судьбы, решение твоей же судьбы*:

«Вот об этом мне и подумалось прежде всего, когда я начал читать «Психологию войны» Баурджана Момыш-улы, славного казаха, с которым, годы спустя, мне посчастливилось встречаться, слушать его, накоротке общаться, восхищаться и даже писать о нём. *Дар судьбы*. Иначе не скажешь» [15, с. 115]. «Свет и мрак тоже, поочередно одолевая друг друга, вступают в смертельную схватку за жизнь; как над каждой жизнью висит *неотвратимый рок судьбы*, так и над солнцем, когда пробил его час, нависает опасность; окутанная черным саваном, вся вселенная, безмолвная, почти покорная, уходит в объятия ночи...» [2, с. 14]. «Решают всё иные господа на ином уровне, заставляя тебя в лучшем случае толпиться в коридоре в ожидании высочайшего *решения твоей же судьбы*» [12, с. 107]. «Так кто же он, спецпереселенец, потом

– поздний возвращенец Эдмунд Ворм? Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...» [24, с. 245]. «Бедная, бедная Зайда-бишара, подумал про себя Жаймурза, уж коли жизнь не заладилась с самого начала, ничего хорошего не жди. *Искривилась стёжка-дорожка твоей судьбы* – на тропу счастья не выйти» [24, с. 22]. «Все в этом эссе вдохновенно и магически сплетено: *судьба писателя* Оноре, его бессмертного романа, мифические символы, философские дефиниции, историко-литературные сведения, эволюция осла, дикого кулана, лошади, суть шагреновой кожи в рациональном и иррациональном толковании...» [5, с. 1]. «И, глядя на сына, старый отец вдруг остро почувствовал, как невысказанно долго он живёт на этом свете, долго, может быть, не столько годами (хотя и восемьдесят два годика, что ни говори – возраст почтенный), сколько богатством событий, *крутых перемен и поворотов судьбы*, выпавшей на его долю» [10, с. 92].

Язык Г. Бельгера характеризуется яркой образностью, использованием афоризмов, устойчивых сочетаний и паремий (многие из идеоматических сочетаний он обновляет), ссылкой на античные, немецкие, казахские, фольклорные и мифологические образы. Устойчивые сочетания, авторские выражения, афоризмы, пословицы, цитаты с концептом судьба, в изобилии встречающиеся в произведениях Г. Бельгера, мы условно назвали паремиологическими выражениями.

Писатель часто использует сочетания с концептом *судьба*: *крутой вираж судьбы, уповать на судьбу, на произвол судьбы (оставить, бросить, кинуть), доверять судьбе, не судьба, навстречу судьбе, превратности (человеческой) судьбы, тяжкий жребий, в ожидании судьбы, взять судьбу в руки, линия судьбы, знак судьбы, дар судьбы, судьба отмеченных богом, зов судьбы, воля судьбы, баловень судьбы, по прихоти судьбы, поворот судьбы, перемена судьбы, волею судьбы (волею судеб), игра судьбы, какими судьбами, перст судьбы, покориться судьбе, связать судьбу с кем-л., чем-л., судьба привела кого-л. куда-л., удар судьбы, иметь общую судьбу, ирония судьбы, соединённые судьбой, схожие судьбы, обманутый судьбой, брошенный судьбой, покинутый судьбой, разделить судьбу, отмеченный судьбой, избранник судьбы, подчиниться судьбе, обиженный судьбой, наказанный судьбой, обделённый судьбой, устроить судьбу, сломать судьбу, наказать судьбу, обойдённый судьбой, возвышенный судьбой.*

Самыми употребительными фразеологизмами для Г. Бельгера являются: *связать судьбу, злой рок, нескладная судьба, на произвол судьбы.*

Существуют традиционные фразеологизмы, используемые писателем в текстах: *«Чему быть, того не миновать. Что на роду написано, то и будет, а что будет – то уже было. Человек – кузнец своего счастья. Человек сам творит свою судьбу. Судьбу не выбирают. Что суждено, то и будет. У каждого своя судьба. Человек достоин лучшей доли. Судьба играет человеком. Что записано в Книге Судеб. На всё воля Всевышнего. Аллах распоряжается судьбой человека. От судьбы не уйдёшь. Будет так, как соблаговолит Творец».*

Ярко характеризуют языковую личность автора и резко расширяют концептосферу *судьба* индивидуально-авторские выражения и афоризмы: *судьбоносный миг, нескладица судьбы, слепая удача-везение, судьбоносный разговор, судьба-насмешница, скряга-судьба* (по аналогии с «судьба-злодейка», «судьба-индейка», «судьба индейка, а жизнь копейка»), *жребий-талан, норовистая судьба, чёрная судьба, брат по судьбе* (по аналогии с «товарищем по несчастью»), *искорёженная судьба, изломанная судьба, своевольная судьба, самодостаточная судьба, генетическая судьба, судьба человека-загадки, бездонные, превратные судьбы, кривая судьба, многотрудная судьба, роман-судьба, судьба-родина, опыт судьбы, судьба единокровников, горькая судьбина; искривилась стёжка-дорожка твоей судьбы, менять судьбу на судьбу – трагедия, судьба продлевается судьбой, вколачивать в судьбу новый гвоздь, шелудивый пёс твоей судьбы, перст неотвратимого фатума* (по аналогии с «как печать судьбы», «перст судьбы»), *какие судьбы, какие трагедии, судьба указывает зелёный свет, необозримые человеческие судьбы, судьба жестоко играет с человеком* (по аналогии с «судьба играет человеком»), *отголосок общей судьбы*.

При анализе литературного языка и языка автора возникает неременная дилемма их соотношений, которая традиционно решается тривиально просто: литературный язык глубже и богаче в своём словарном составе и грамматической структуре, а язык писателя – обширней в плане использования узуальных, окказиональных и внелитературных средств.

Проведённый нами анализ функциональной периферии концепта *судьба* ярко раскрывает широту индивидуально творческой концептосферы «судьба» языковой личности писателя и в очередной раз подтверждает эту истину.

В лице Г. Бельгера достоверно и убедительно актуализируется значимость концепта *судьба* для казахстанских немцев. Авторское словоупотребление и сочетаемость слова *судьба* наглядно демонстрируют словарное богатство языковой личности, значимость этого концепта для автора и многообразие словоупотреблений слова у писателя.

1.3 Понятийный компонент концепта *судьба* у Герольда Бельгера

Герольд Бельгер, по отзывам современников и собственному признанию, является истинным выразителем немецкой ментальности. Поэтому ожидается, что репродуцирование концептосферы и концепта *судьба* у Герольда Бельгера будут чисто немецкими.

Учитывая драматическую судьбу российских немцев, ожидается появление на авансцене таких компонентов концепта *судьба*, как *неотвратимая, неумолимая сила, высшая сила, божья воля, предопределение*, которые обратной стороной явления имеют пессимизм. «Образцовый немец», каким сознательно Бельгер себя культивирует, хотя и не возражает, когда подчёркивают его «казахскость», Бельгер хорошо представляет в концепте *судьба* немецкое значение «предназначение», «предписание», однако, значение «предопределение» никогда по отношению ни к себе самому, ни к своим героям не использует.

Ещё одной характерной чертой в творчестве Г. Бельгера в его размышлениях о судьбе является синкретичная подача близкородственных логических понятий.

Так, в одной цепочке у него встречаются *удел – доля – назначение; жребий – доля – удача – назначение; предназначение – судьба – фатум – рок Судьба – Ро – Фатум – Бог* и другие.

Что характерно, словарная дефиниция *предопределение* регулярно заменяется у Бельгера *предназначением*, даже просто *назначением*, что совершенно не одно и то же. *Предназначение*, пусть даже по высшей воле, предполагает активное творческое начало личности, что совершенно не вписывается в немецкий национальный концепт *судьбы*.

«А ведь у каждого, кто пришёл однажды в этот мир, *свой удел, своя доля, своё назначение*. Вот и радуйся, не разевай рот на чужое» [8, с. 280]. «В конце концов у каждого поколения *свой жребий, своя доля, своя удача, своё назначение*, отпущенные *Судьбой*, и с этой вековой мудростью необходимо, пожалуй, смириться, а не лезть в чью-то душу и навязывать свои отжившие представления» [17, с. 142]. «И потому давным-давно уверовал, что я для чего-то создан, что некая чудодейственная сила благоволит ко мне, оберегая меня... и я стал фаталистом и как-то самому себе внушил, что меня ведёт по жизни некое *предназначение, судьба*, что ли *фатум, рок*» [26, с. 170]. «О, Господи! Разве люди определяют какие-либо сроки? Тем более – пожизненность. Разве это их прерогатива? То ведь не бранный человек знает, будь он хоть трижды депутат, то знает лишь *Судьба, Рок, Фатум, Бог!* Не так ли? О вечности, о пожизненности не людям судить!» [17, с. 139].

Активное, творческое начало содержится в немецкой ментальности, но оно не связано с концептом *судьба*. У немцев оно предопределено высшей силой, и ради реализации этого предопределения представители этой нации, по словам Анны Вежбицкой, могут перешагнуть через нравственные законы.

Для Г. Бельгера это уже неприемлемо, поэтому он сознательно заменяет в концепте *судьба* «предопределение» на «предназначение» и просто «назначение»: «Представляю, – ответил Эдмунд. – Но сдюжу. Может, это главный смысл моей жизни? Моё *предназначение*... Мы с женой Валентиной договорились: ни перед чем не остановимся» [10, с. 198]. Последнее ни в одном из немецких словарей и авторов-классиков не фиксируется.

Префикс *пре-, пред-, предо-* предполагает диктум – высшую силу, небесную силу, божью волю. Поэтому сознательно или интуитивно Г. Бельгер у слова *предназначение* убирает префикс, так как он своё *предназначение* не связывает с высшей силой и предоставляет ей только роль опекуна. «И в самом деле, оказывался не раз на грани. И каждый раз каким-то образом выкарабкиваюсь. Блажь, наверно. Самовнушение. Утешение. И всё же, всё же... Кто-то меня опекает. С некоторых пор придерживаюсь библейской формулы: что должно быть, то и будет, а что будет, то уже было» [26, с. 170].

Об этом свидетельствует и такая сентенция: *предопределение – выдумка*: «Мой отец не разделял бы такую философию. Он был до конца жизни (скончался на 94-м году) убеждён: всё в руках, в воле человека, всё остальное –

рок, судьба, предопределение – выдумка. Мне же по душе хадис пророка Мухаммеда: «Вечером не думай, что доживёшь до утра, а утром не надейся дожить до вечера. Будь доволен своим здоровьем и своей болезнью, своей жизнью и своей смертью». Этот нравственный постулат входит в казахскую ментальность и, может, в этом и заключается вся мудрость человеческого бытования? Схожее находишь и в Книге Екклесиаста: «... Человек не властен над духом, и нет власти у него над днём смерти, и нет избавления в этой борьбе...» [17, с. 132].

По этой же, видимо, причине мы у него в концепте *судьба* не обнаружили немецкого словарного компонента *предписание*.

Бельгер, в качестве составной части концепта *судьба*, чаще всего в синонимическом ряду с *судьбой*, использует *рок, фатум*. В этом его ментальный мир полностью совпадает с немецким мировидением, где также *судьба – фатум, рок* занимает одно из ведущих мест. Однако, в понятие *судьба* Бельгер вкладывает, на наш взгляд, историческую неотвратимость обстоятельств, в которых вынужден жить человек, поэтому *судьба, рок* и *фатум* у него имеют значение не мистическое или религиозное, а историческое. Если обстоятельства изменить невозможно, то своей судьбой человек может и обязан управлять. История, как известно, оборачивается то трагедией, то фарсом: «И, в сущности, каждая человеческая жизнь на земле – трагедия. Назови её, как хочешь – *роком, судьбой, фатумом*, лживым, обманчивым миром, *жребием – таланом* – всё равно» [10, с. 333]. «Сколько о том сказано, написано со времён Адама до нынешних дней! Всё впустую! Бог смеётся над потугами властолюбцев, которые из века в век, из тысячелетия в тысячелетие наступают на одни и те же грабли. *Рок какой-то! Фатум!* Фарс во времени и пространстве. И конца этому фарсу не будет. Глупость – вечная спутница человечества» [10, с. 136].

Поэтому бельгеровская полисемия слова *судьба* логично включает в себя *историю* и, как её следствие, *трагедию* и *фарс*.

Немецкие словарные материалы этой коннотации не содержат, поэтому компонент концептосферы *судьбы* Бельгера сближается с русской концептосферой, в которой *история существования, условия существования* входят в ведущую триаду.

Общее в понимании и восприятии концепта *судьба* у Бельгера с языковыми картинками мира немецкого, казахского и русского народов состоит в том, что *судьба* связана с жизнью, смертью и временем, *судьба – предназначение*, всегда связана с участью, долей, *роком*. Часто в его произведениях как сама *судьба* выступает активно действующей силой, так и человек способен бросить вызов *судьбе*, попытаться изменить её. Это положение можно принять за гражданское, писательское кредо Г. Бельгера: «Пусть бают злые казахские поговорки, что голова человека – мяч в руках Аллаха, что *судьба* играет человеком, и, в сущности, каждая человеческая жизнь на земле – трагедия. Но ведь и человек может поспорить с *судьбой* и резонно возразить; мол, бог-то бог, но не будь и сам плох. Пока есть Земля моей чести, мой милый эль, будет мне и опора, и защита, и отрада» [10, с. 5].

Глава 2 Концепт память и его отражение в творчестве Герольда Бельгера

2.1 Концепт *память* в современных исследованиях

Изучение ключевого концепта русской культуры «память» с XIX века является одной из актуальных проблем, как в области языкознания, так и в лингвокультурологии, предоставляя ученым право исследования неисчерпаемых, неизведанных возможностей человеческой памяти. Ю.М. Лотман отмечал огромную роль памяти в существовании и значении культуры, определяя её как «ненаследственную память коллектива». Необходимо также выделить роль памяти в истории, в прошедших временах.

«Прошлое, по сущности виртуальное, может быть воспринято нами как прошлое, только когда мы следуем за движением, которым оно распускается в образ настоящего, выступая из мрака на яркий свет. Напрасно было бы искать его следа в чем-либо актуальном и уже осуществленном: это все равно, что мрак искать на ярком свете» [7, с. 548].

Концепт *память* по морально-нравственному наполнению, значению тесно связана с такими концептами, как *справедливость, долг, прощение, скорбь, вина, возмездие*. С помощью языка человек формирует собственную картину мира, хранит знания о нём, удерживает их в памяти. Представления о памяти и связанных с ней процессов фиксируются и хранятся в языковых метафорах, в значениях различных слов и выражений. По выражению американского исследователя Дж. Лакоффа, именно так складываются «народные» теории памяти и забвения, которые могут принадлежать разным языкам и разным языковым сообществам, но содержать в себе человеческие универсалии памяти.

Таким образом, феномен памяти на протяжении многих веков и эпох является объектом изучения мифологии, культуры, искусства и науки. Благодаря греческой мифологии в западной культуре зародились две персонификации памяти и забвения – Мнемозина и Лета, а появление философии как науки внесло неоценимый вклад в осмысление памяти. Исследователь О.Г. Ревзина отмечает, что «именно в философском дискурсе о памяти, начиная с античности (Платон и Аристотель), были сформулированы основополагающие представления о памяти, о воспоминании, о забывании, актуальные и по сегодняшний день. С конца XIX века начинается экспериментальное исследование памяти в психологии. Настоящий прорыв в изучении памяти наступает с развитием в психологии когнитивного подхода. Когнитивистика, поставив в центр внимания проблему знания и информационные процессы, объединила разные науки – философию и психологию, лингвистику и культурологию, нейронауки и изучение искусственного интеллекта» [24, с. 10].

Разные научные дисциплины представляют концептуальное поле памяти, определяя её важное значение в развитии человеческого общества, а также языка, культуры и истории и подчёркивая неотделимость постижения «мира

памяти» от «памяти в мире». Память и язык представляют собой две врожденных когнитивных способности человека.

В когнитивной психологии память определяется следующим образом: «Память – это способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой (внешней или внутренней), сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении» [18, с. 79].

В отличие от памяти язык, представляющий собой наиболее разработанную знаковую систему, предназначенную для операций со знанием, состоит по преимуществу из символических знаков, но в нем также представлены и принцип иконичности, и принцип индексальности. Одновременно именно в языке находят воплощение когнитивные модели, в соответствии с которыми человеческий разум организует и структурирует информацию. Эти модели наличествуют в семантической памяти [30]. Здесь же отмечается, что язык предстает по отношению к памяти в качестве своеобразного донора. Если же обратиться к дискурсу, то соотношение меняется – роль донора берет на себя память.

Следует иметь в виду, что поле памяти в языке – это нечто гораздо более широкое, чем только память и мнемические процессы. Мы выделяем памятные места, памятные даты и памятные события; мы окружаем себя предметами, в которых материализуется наша связь с прошлым (*Это кольцо мне дорого как память*) и превращаем прошлое и самих себя в материализованную память – разнообразные памятные знаки – сувениры и посвящения (*На память о нашей встрече, В память о нашей дружбе, В память о совместной работе*), мы пребываем в уверенности, что мы живы, пока нас помнят и обещаем умершим, которым ставим памятники, что они надолго, навсегда или навечно останутся в нашей памяти. Иначе говоря, память в такой же степени составляет часть нашей жизни, в какой наша жизнь составляет содержание памяти. И язык метит самым словом «память», производными от него, многочисленными идиомами и интертекстами совокупность всего, что в языковом сознании воспринимается как проявление памяти либо имеющее отношение к ней [24, с. 18].

Многие современные учёные вводят понятия «чистого» воспоминания и образа-воспоминания и разграничивают их: «чистому» воспоминанию отводится роль виртуального, бессознательного, которое не дает о себе знать до поры до времени и которому свойственно «существование, сходное с тем, какое мы приписываем внешним предметам, когда не воспринимаем их» [25, с. 596]. Оно может быть «возвращено к жизни», возникнуть в настоящем при помощи воспоминания - припоминания – воскрешения в памяти, узнавания, когда присутствующий в сознании образ совмещается, допустим, с лицом человека, который кажется незнакомым, и происходит его опознание. То же самое может произойти с опознанием-узнаванием какого-либо предмета, события или действия, имевшего место, произошедшего в нашем далёком прошлом. «Самое интересное, что здесь воспоминание как бы инвертируется: мы можем считать, что на этот раз уже сам объект узнавания становится означающим по отношению к означаемому – образу-воспоминанию». Чудо узнавания является,

собственно говоря, главным доказательством существования воспоминаний [24, с. 24].

Различают основные мнемические процессы: присутствие воспоминания в сознании (воспоминание), непроизвольно пришедшее воспоминание (воскрешение в памяти), активное воспоминание – припоминание, включающее узнавание. По отношению к припоминанию встает вопрос о том, что вспоминают – оригинал или копию, впечатление, изображение, оставшееся в памяти (используя термины семиотики – референт или памятный знак – *semeion*, репрезентация референта) [25, с. 61].

Основные мнемические процессы выделены в языке как концепты донаучного знания (неслучайно, кстати, философский дискурс о памяти нередко строится на толковании слов, входящих в словарь памяти). Глаголы памяти следуют событийной экспериенциальной схеме («*experiencing-schema*» – опыт-схема), под которой понимается «*the mental processing of the contact of the world*» (буквально: умственная обработка и контакт с миром). В этой схеме субъект выступает как «центр регистрации» этих контактов и выступает в «*the role of entity that has a mental experience*» (буквально: роль субъекта, имеющего умственный опыт) [42, с. 14, 86], а объект – в роли пациента, свободного от энергии воздействия. Лексическое выражение мнемических процессов специфично для разных языков.

Так, в русском языке [20, с. 85] использована техника приставочного словообразования: от глагола помнить, имеющего общую этимологию с памятью [40, с. 401] и называющего мнемический процесс «хранение информации», образованы многочисленные глаголы, называющие другие мнемические процессы: *запомнить*, разг. *упомнить* (процесс запоминания, «меморизации»), *вспомнить* (устар. *воспомнить*, прост. *вспомнать*), *помянуть*, *напомнить*, *припомнить* (процесс воспроизводства информации). Особняком стоит лишь глагол «забыть», производный от глагола существования, концептуализирующий (с учетом значения приставки *за-*) субъекта данного мнемического процесса как находящегося в том месте, доступ к которому заслонен преградой (как писал М. Хайдеггер, определяя время, «отсутствие тоже всегда дает о себе знать как способ присутствия» [40, с. 401]. В системе языка лексемы, служащие названием мнемических процессов, подвергаются дальнейшей семантической и стилистической дифференциации (так в русском языке различаются *забывание* и *забвение*: забвение является стилистически возвышенным, поэтому Лета – это река забвения, но не река забывания): «*Река времен в своем стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей*» (Г. Державин).

Многие философы и учёные обращались к вопросу о субъекте мнемических процессов. Так, Августин ввел представление о «внутреннем человеке» (*Ego sum, qui memini, ego animus*), Д. Локк ввел триаду сознание – память – личное тождество (*sameness*), Гуссерль соединял интериорность, память и время. Вслед за аналитическим рассмотрением проблемы субъекта памяти в философском дискурсе П. Рикер считает возможным говорить о трех субъектах атрибуции памяти: «я» (индивидуальная память), «мы»

(коллективная социальная, публичная память) и промежуточный тип – память близких людей, «где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим» [25, с. 184].

Большое значение имеет метонимическая когнитивная схема памяти в языке [30, с. 194] отмечает, что «Вкусовые, запаховые и тактильные коды также используются в ДВП (долговременной памяти), но они крайне мало исследованы».

Поскольку сердце является «символом средоточия чувств, переживаний, настроений человека» [28], оно также способно метонимически назвать субъекта памяти: *память сердца* – это память человека о его чувствах и переживаниях. В этом качестве память сердца противопоставляется памяти рассудка: «*О, память сердца! Ты сильнее / Рассудка памяти печальной*» (К. Батюшков). Метонимическая модель распространяется и на субъект коллективной, а также «семейной» памяти: названия стран городов и других поселений, названия различных человеческих сообществ указывают на тех людей, которым приписывается общая память: «*Страна помнит своих героев*». Преимущественно такие обозначения связываются с мнемическим процессом «хранение информации» (помнить). И стать хранителем информации могут не только одушевленные, но и неодушевленные объекты: «*Река помнит о своих истоках. Помни дружбы наставленья*» (А.С. Пушкин).

В основе концептуализации памяти как когнитивной способности и реализации этой способности лежит онтологическая метафора – память предстает как автономная сущность (entity). «...Стоит только отождествить части нашего опыта с объектами или веществами, появляется возможность ссылаться на них, относить их к определенным категориям, группировать и определять их количество – и тем самым размышлять о них» [21, с. 48].

В качестве автономной сущности память и воспоминание как бы отчуждаются от человека, вступают с ним в диалог, подвергаются персонификации: *память говорит, подсказывает, напёпывает, возвращает, даёт силы, не отпускает, мучит* и т.д.: «*Только ветер гудит в отдаленье, / Только память о мертвых поет; Не часто я у памяти в гостях, / Да и она всегда меня морочит*» (А.А. Ахматова); «*Всё в жертву памяти твоей: Томных уст и томных глаз / Буду памятью размучен*» (А.С. Пушкин).

О.Г. Ревзина выделяет следующие метафорические концепты памяти: «Память – вместилище (контейнер) и хранилище: *хранить, сохранять, рыться в памяти, шарить в памяти; выбросить, выскочить, выпасть из памяти*. Данная схема позиционирует субъекта как активное лицо, в чьем владении находится некая герметическая емкость, содержанием которой субъект может распоряжаться по собственному усмотрению, однако недостаточный контроль со стороны «хозяина» может привести к нежелательным последствиям (*выскочить, выпасть, вылететь из памяти*)» [24, с. 20].

Концептуализация *памяти* как *вместилища* реализуется во множестве вариантов в художественном дискурсе: *амбары, закрома, кладовая, подвал, подполье, терема, храм, урна, гробница, склеп, кладбище* памяти. Эти

варианты интересны своими дополнительными обертонами. В качестве термина памяти («область-источник») используются имена артефактов, то есть названия помещений, которые создаются человеком для целей жизни либо для целей смерти. Так, *амбары* и *закрома* соотносятся с *зернами воспоминаний*, то есть ассоциируются с ростом, урожаем, богатством, в то время как все «кладбищенские» метафоры однозначно связывают метафору со смертью и с низом в оппозиции «верх-низ». Сверх того, тема *терема* памяти у Анны Ахматовой возносят память вверх, а в *храме* памяти она сакрализуется.

В народном сознании память располагается в голове (ср. пословицу «*Память в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце*»), то есть сама заключена в хорошо защищенную емкость. Отсюда метонимически *плохая память* (что относит к мнемическому процессу сохранения информации) концептуализируется не только как *дырявая память*, но и *дырявая голова*, ср. также «*У меня (у него) голова, что решето*» [12].

Представление памяти как дырявой емкости обнаруживается и в авторской «научной метафоре» (*ведро с течью* или *сито* – Дж.А. Миллер). В том случае, когда областью-источником для метафоры является открытое пространство, появляется метафорический концепт *память – место*.

В качестве термина памяти выступают имена рельефа (*пропасти, глубины памяти*), окультуренные формы пространства (поля, ср.: *Елисейские поля, луг, сад воспоминаний, тропы, тропинки памяти, на перекрестьях памяти*), формы организации городского или сельского обитания (*закоулки, задворки, тупики памяти*). В метафоре *память – место* концептуализируется отчасти и представление о внутренней структуре памяти, причем она предстает и как *регулярная*, но чаще – как *извилистая, запутанная* (ср. также *лабиринты памяти*). Если сравнить данный концепт с авторскими научными метафорами вместилища, то в них также прослеживаются две возможности, но они представлены более четко: с одной стороны, метафорами памяти становятся «словарь», «библиотека», «каталожные карточки», по Фрейду – «мистическая записная книжка», и даже – «план метро», то есть четкая организация, а с другой – уже названный «мусорный бак» или «сундук с барахлом».

В отличие от памяти воспоминания, как «дискретные формы с более или менее четкими границами» [25, с. 46], допускают количественную характеристику (*масса воспоминаний, немногие, скупые воспоминания*). В метафорах получает отражение сходное воздействие памяти и воспоминаний на человека: *свет памяти, зарницы, звезда, лучи воспоминаний, лучи памяти, воспоминания-лампады, воспоминания-молнии; молоточек-память, молот, шарманка воспоминаний; память-резец, серп-память, память-плеть; груз, тяжесть воспоминаний*. В таких случаях возможна концептуализация памяти как вещества, как материала – в качестве области – источника выступают вино, яд, мед, ткань (кисея), стекло: «*Вино прозрачной памяти, яд воспоминаний; О, мед воспоминаний!*» (С. Есенин). В метафорах воспоминания передается семантика последовательности, постепенности: «*Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток*» (А. Пушкин).

Таким образом, согласно современным исследованиям, можно сделать вывод о том, что и персонификация, и метонимия, и метафора, активно участвуют в языковой концептуализации памяти, одинаково присутствуя в ней как на уровне нормы, так и на уровне отступлений от нормы. В сравнении с памятью *забвение* концептуализируется более единообразно – как пространство без (видимых) объектов, заполняющих это пространство. Идеальным в этом плане является концептуализация забвения как жидкости, которая по своим природным качествам не способна сколько-нибудь долго удерживать следы: *Лету, летейские воды, струи*, – в поэтическом дискурсе это могут также быть *хлябь, пучины, колодец, море, родник забвения*. В поэтических строках И. Бродского четко различены *забывание* как процесс и *забвение* как результат: «*Отлетай, отплывай самолетом молчанья – / в пространстве мгновенья, / кораблем забыванья – в широкое море забвенья*» (И. Бродский). Отметим, наконец, концептуализацию забвения как стирание и исчезновение следов через некий покров, который прикрывает эти следы: *снег забвения, ряска забвения, забвение-покрывало; забвение как зарастание мхом, хмелем, плющом, травой* (ср. название романа В. Катаева – «Трава забвения»). Очевидное сплетение *забвения* со *смертью* не требует специальных комментариев. Но и в забвении-смерти человека ждет новое знание – как написал об этом русский поэт Федор Сологуб: «*Я холодной тропой одиноко иду, / Я земное забыл и сокрытого жду...*» [24, с. 24].

По мнению исследователя О.В. Шаталовой, смысловыми центрами лингвокультурологического поля *памяти* являются признаки «воспоминание» и «обратимость времени». «Специфика художественного концепта заключена в его особенной структуре, где ведущую роль играет образный слой, который отражается в широкой метафоризации концепта «память». Смысловое поле концепта «память» имеет сложную структуру, включающую понятийный, образный, прагматический слои. Концепт «память» является культурно маркированным, о чём свидетельствуют факты деэтимологизации значения и утраты / появления новых значений» [36]. Парадигматико-синтагматические отношения образуют сферу (концептуальное поле) ключевой лексемы *память* (со значениями «свойство сознания» и «воспоминание»), а также смыслового поля концепта «память». Под концептуальным полем мы будем понимать круг концептов, связанных общностью языкового значения.

В этом ключе представлены, например, синонимический ряд в исследованиях Ю.Д. Апресяна [3] и лексико-семантическая парадигма в понимании Д.Н. Шмелева [38]. Под смысловым полем концепта понимаем модель «поле в поле»: внутренняя трёхслойная структура (ядерная, околядерная и периферийные зоны) и внешняя сфера.

Многие современные учёные рассматривают концептуальный анализ как одно из направлений лингвистического анализа текста, при котором путем вычленения ключевых слов (в данном случае слов *память* и *воспоминание*) можно представить несколько когнитивных моделей (*память как жизнь, память как вместилище, память как орган* и т.д.).

Как представляется, оптимальным для полноты семантического описания лингвокультурного концепта будет выделение в его составе трех составляющих: понятийной, отражающей его признаковую и дефини-ционную структуру; образной, фиксирующей когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании; и значимостной, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка [10].

По определению этимологического словаря русского языка М. Фасмера, в русском языке слова «память», «помнить» и «мнить», «мнение» являются родственными. Устаревшее слово «помнить» (с 96 ударением на последнем слоге) значило «подумать, представить себе в мыслях». Также слово «память» родственно словам *mintis* (др.-лит.) «мысль, суждение», *matīs* (др.-инд.) «мысль, намерение, мнение», *maiti* (авест.) «мысль, мнение», *mens* (лат.) «ум, размышление, разум» [39, с. 195]. По утверждению П. Флоренского, корень слова «память» *-mn-* в индоевропейских языках означал «мысль во всей широте понимания этого слова» [13, с. 84]. Этимология данного слова подчеркивает, таким образом, связь данного психологического явления, во-первых, с ментальной деятельностью человека, а во-вторых, с восприятием: «представить себе в мыслях» означает воскресить в сознании то, что было воспринято в прошлом. Это соответствует двум из четырех существующих, по П.П. Блонскому, видам памяти – логической и образной.

Авторами сборника «Логический анализ языка. Культурные концепты» (1991) в той или иной степени проясняются различные аспекты концептуального анализа. Е.С. Кубрякова, анализируя слово *память*, предлагает рассматривать «когнитивную карту слова» как «отражение наиболее употребительных контекстов слова»; как «констатацию всех направлений, по которым идут семантические преобразования слова», как «рекомендацию к более полному лексикографическому представлению значений слова» [20, с. 89].

2.2 Отражение понятийного компонента концепта *память* в произведениях Герольда Бельгера

Одним из самых частотных ключевых понятий Г. Бельгера является концепт «память», который он активно использует как в художественных, так и в публицистических произведениях, делясь своими собственными размышлениями или используя его в монологах героев.

В произведениях Г. Бельгера концепт *память* означает память прошлого, способность не забывать, часто он выступает в значении *память-дом*, *память-родина* или *память-надежда*, *память-история*.

Сам Г. Бельгер в 10-ой главе первой части романа-исповеди «Зов» пишет так: «У меня *плохая память* – ничего не забываю. *Помню то*, что пора бы давно забыть, чтобы не томить душу, не рвать сердце. *Хорошая память* та, что не омрачает твоё существование. А я вот *помню всё*: и обиду умершего с голоду ещё далеко до моего рождения дедушки Фридриха.., и горе моих дядьёв и двоюродных братьев, погибших в трудармии.., и измочалившую моих соплеменников депортацию, и недобрую державную власть.., и все ограничения, унижения, мытарства, злодейства, упорно ставившие нас,

спецпереселенцев, на колени... Разве не разумней было бы это всё забыть... *и помнить* только тихие песни мамы под незатейливый перебор гитары, скрипку отца, ласку и любовь аульной смуглянки, щедродушные казахов, доброту аулчан, ширь степей, шелест перелесок, робкое течение реки Есиль в знойную пору и вой свирепых буранов в глухую зимнюю ночь? А я вот так устроен: ничего не забываю, *всё помню*, оттого и живу с напрягом, с вечно сжатыми кулаками. Так, видно, нельзя». И далее автор поясняет: «С чего бы это болит-пошаливает у меня сердце? Наверное, потому, что тащу *непосильный груз памяти*. *Помню то*, что было давно... Во мне обитает слишком много других жизней, других судеб и болей, от чего мне никогда, ни-ког-да уже не избавиться. Может, наступит облегчение, если я всё это изложу, вылью на бумагу? Но хватит ли у меня на это сил и времени? Или мне суждено весь этот груз, весь этот скарб болей, неурядиц, обид, несправедливостей унести в роковой час с собой в так называемый лучший из миров, где, сказывают, всего этого нет и в помине? Не знаю, не знаю...» [26, с. 42-43].

Особый интерес представляет концептуальный анализ репрезентаций концепта «память» в текстах произведений Герольда Бельгера.

Концепт «память» вербализуется в творчестве автора посредством описания ядерной структуры – *память*), а также окооядерной зоны, содержащей следующие однокоренные слова: *воспоминание, помнить, памятный, вспомнить, памятник* и др., построением синонимического ряда и периферийной зоны, куда входят фразеологические и паремиологические средства, антонимические пары: *память – забвение, помнить – забыть, вспоминается – забывается, (память) вспыхивает – угасает* и т. п.; метафорические выражения *память встреч, память сердца, память рассудка, память имени, память дел* и др.

Согласно существующим, по П.П. Блонскому, логической и образной видам памяти и вариантам их употребления, мы выделили, что концепт *память* используется в произведениях писателя чаще всего в форме глагола «помнить» в следующих примерах:

1). Помню, так как был тому свидетелем, лично принимал участие, когда к детским воспоминаниям подключается образная память. Например: «Стояло лето второго послевоенного года. А я *помню* тот день во всех подробностях и поныне. И, кажется, именно тот случай, тот поход на земляничную поляну странным образом определил мою судьбу» [13, с. 176]. «Но тихое, милое сердцу немецкое село Мангейм на Волге *не выходило из памяти*. Ему было невдомек, что оно уже давно превратилось в русское село Советское» [16]. «*В памяти всплыли* недавние слова взбудораженного своим юбилеем Нукена: «мой эль», «родной эль», «а тебя ведь не родной край ждет». «О, да... это место я *вспоминаю* с благодарностью, с добрым, ибо там я почувствовал себя человеком и оттуда, через Ишим, отправился в далекий путь жизни...» [10]. «*Но в памяти моей сохранился* лишь маленький пятачок – детская игровая площадка с качелями и крохотными деревянными домиками – перед трехэтажным кирпичным зданием, в котором обитали служащие и курсанты летной школы. И это все, или почти все. И в том, что больше ничего

не помню, – нет моей вины. Или село Мангейм Гнаденфлюрского кантона, родное село моих родителей, следует считать моим элем? Что ж... об этой точке земли я *помню* чуть больше, хотя бы потому, что когда оттуда нас... как бы это сказать поделикатнее, помягче... эвакуировали, мне было полных шесть лет. И я неплохо *помню* бабушкин дом со всеми его пристройками и неизменной летней кухней-бакхаузом, *помню* улицу, хлипкий палисадник с чахлыми деревцами, и даже шаткий мостик, через который проезжала полуторка с колхозными музыкантами – духовиками в соседнюю деревню Зихельберг, и я среди них, – *помню*. *Помню* кое-кого из сельчан, типы лиц, песни тех предвоенных лет... во мне и поныне живут дух и облик того удивительного, как мне теперь чудится, времени». «Да, да... *Как сейчас помню*. В тридцать седьмом году был на Волге сильный урожай. Не знали, куда его девать». «*Помню* вашу семейную колонну, – сказал Хайнрих. – *И тебя помню*... на второй машине с конца. Сопливая еще была девчонка». «Эту пору жизни, осень сорок первого, я *помню* до мельчайших деталей. Будто и не прошло столько десятилетий. И поныне, кажется, даже все щели товарного вагона, в котором нас везли на восток, в моей памяти». «Я *опять* вспомнил бабушку Амалию, Хайнриха, швегерин Эмилию, двоюродных сестер моих, певуний, всех, всех, – и подумал, что в каждом из нас, вероятно, живет несколько жизней, что души наши, что бы ни случилось, созвучны, что вся их жизнь, родичей моих, – во мне; все эти судьбы – во мне; вся их боль – во мне» [10]. «Я иногда пытаюсь возвращаться мысленно в тот мир, воскрешаю время, чутко, бережно касаясь хрупких деталей, чтобы ненароком не вспугнуть *память*» [10, с. 262]. «А как любили отца собаки! *На моей памяти* их было несколько – Шарик, Волк, Малыш, Рекс...»; «А-а?! – откликнулся рассеянно отец. – Ну, конечно, *помнишь*... Мы ведь с мамой твоей часто сюда приезжали. И ты подолгу живал то у дяди Вильгельма на конце улицы, то у бабушки, то у дяди Фридриха. С детворой играл. Что-то, видно, *осталось в памяти*» [10].

2). **Помню, так как** мне рассказывали, по воспоминаниям близких родственников, по каким-то внезапно возникшим ассоциациям, ярким вспышкам памяти – с участием логической памяти (или логико-образной памяти). В этих случаях автором всегда верно указывается источник информации: мама, бабушка, отец и др. родственники, подчеркивается важность получения какой-либо информации об историческом прошлом своей семьи, о необходимости её сохранения и передачи потомкам. Например: «*Помню* только по фотографии: свежий холмик, деревянный крест с надписью, ты в военной форме, мама в короткой стрижке, в белой беретке, я между вами». *Вспоминая* тот Новый – 1941-й год, я десятилетиями мучительно и тщетно силился *восстановить в памяти* короткий стишок, который ввергнул тогда мою родню в восторг и умиление». «Пятьдесят шесть лет спустя, очутившись с инфарктом в больнице в реанимации, я ночами с какой-то воспалённой остротой *оживил в памяти* разные далёкие эпизоды моей жизни, и вдруг совершенно неожиданно, молниеносно, как ожог, вспыхнула первая строка... А на утро, едва раскрыв глаза – вот причудливое свойство человеческой памяти! – *я без всякого усилия вспомнил* и последние две строчки...» [10, с. 284].

«Мать была живым воплощением немки с Поволжья, *она помнила* своего дедушку, старожила степного немецкого села Мангейм, её *генетическая память* сохранила дух, нравы, обычаи. Язык, запахи той – далёкой и невозвратной – жизни наших предков, угасшей, растворившейся во мгле *нашего прошлого*». «Она *хранила в памяти* уйму народных немецких песен, среди них и таких, которые предки-колонисты вывезли некогда из германских княжеств ещё более двух веков назад; вспоминала неожиданно какие-то обрывки, фразы русских городских романсов, как *память* о своей недолгой жизни в лётной школе в Энгельсе в середине 30-ых годов; часто прибегала к простонародной диалектной речи поволжских крестьян начала века. Жаль, что в нашей, детей и внуков, *памяти* многое из этих слов и выражений не запомнилось, выветрилось, не зафиксировалось на бумаге, лишь в последние годы, навещая родительский дом, я иногда делал беглые записи в блокноте». «Несмотря на малое образование, мама всю жизнь не чуралась новизны, имела представление о том, что творится в стране, в мире, любила слушать радио и смотреть телевизор, чутким сердцем улавливая общий настрой, внимательно читала немецкие газеты, высказывала свое мнение, следила за всеми моими публикациями, аккуратно складывала газеты, журналы, в которых *упоминалось мое имя*. Знала она, что и как пишут российские немецкие литераторы В. Клейн, А. Реймген, Н. Пфедфер, Н. Ваккер, Д. Гольман, Э. Ульмер, В. Шпаар. Некоторых она *помнила* по Волге, кое-кто бывал у нас» [10, с. 262].

«С мамой при ее жизни я не однажды заводил разговор о том случае. Она *хорошо все помнила, перебирала в памяти* разные новогодние пожелания-шпрухе, имевшие хождение среди немцев-колонистов, но в них о маленьком короле не говорилось. И отец *не помнил*. Совместными усилиями мы вспомнили печальную балладу о королевских детях, которых насильно разлучили, и гетевские «EswereinmaleinKönigvonThule», но нет... все не то...» [10, с. 284].

Автор постепенно включается в процесс обращения к воспоминаниям тех событий, активным участником которых он был когда-то, то есть он видит себя самого в далёком прошлом, которое оставило значительный, незабываемый след в его душе. В этих событиях принимают участие и другие люди, которые находились в то время в непосредственной близости рядом с ним или знакомы ему по рассказам родителей, по источникам дополнительной информации – материальным и нематериальным вещам (фотографии, песни, стихи, награды, дневники, письма), которые, напоминая о прошлом, способствуют продлению памяти. Во всех этих приметах памяти присутствует особый дух семейного счастья, сплочённости, любви, что вместе составляет память об истории каждой отдельно взятой семьи...

3). Помню, потому что нельзя забывать, необходимо передать будущему поколению завет беречь память прошлого – память-запоминание. Здесь описываются подчас неизбежные процессы *забывания-незабывания*, связанные с памятью, которые могут быть как контролируруемыми, так и неконтролируемыми людьми, независимо от их поведения. Иногда автор испытывает чувство сожаления по поводу того, что неизбежно, неумолимо исчезает память о прошлом, что почти не остаётся очевидцев ушедших дней и выражает желание

помнить и знать больше о том, что было: «Интересно, *помнит ли* Гарри тот последний предвоенный праздник в селе? ... Больше уже никогда Карлсоны и Гертеры в таком составе не собирались» [10]. «Немного на свете осталось людей из исчезнувшего с лица земли некогда многолюдного, шумного немецкого села Мангейм, *помнящих* ту жизнь, ту судьбу развеянного ныне на земле этноса, и я думаю, что для нас, потомков, эта потеря огромна». «Пройдёт ещё, быть может, десяток лет и не останется на земле ни одного человека, который *помнил бы* Мангейм, отчий край, где некогда бурлила жизнь, превращённый в пепелище, в прах в угоду подлой и трижды проклятой политики ничтожных ублюдков, возомнивших себя вершителями людских судеб» [10, с. 262]. «У каждого поколения, естественно, своя жизнь, но молодые должны *помнить о пережитом* старшими, должны чувствовать их время и знать их чаще всего непростые пути-дороги, их судьбы, иначе оборвётся магическая связующая нить, и вырастет сытое, бездумное, безродное племя». «*И не всегда помним*, что, каждый из нас в отдельности – будь мы хоть семи пядей во лбу – ничто, песчинка, пылинка, если за нами не стоит надёжной опорой крепкая, спаянная, многочисленная родня» [10]. «Хранить... А осталось ли ещё что хранить? Думаю, да! Прежде всего необходимо *хранить память*. Не дать ей угаснуть, раствориться, в небытии, не позволить себе превратиться в манкуртов. *Беречь память* о своей истории, о былом можно по-разному. *Сохранить память* – сберечь свою душу. ... Разве не о *духовной памяти* пекутся многие наши литераторы» [3]. «Насильственно оманкуртизированный народ, понятно, *плохо помнит* свою родословную. Многие из российских немцев не то, что далеких предков, родителей толком не знают. И об этом *следует помнить*. И о том необходимо знать. Это нужно вовсе не для того, чтобы еще раз разоблачить кровавый сталинский режим, не для проклятий палачам, а для того, чтобы *сберечь память*, чтобы люди знали правду» [3, с. 114].

А.А. Павлова в своём исследовании «Концептосфера внутрисемейных родословных», в отличие от мнения В. В. Туровского о том, что «помнить», как и «вспоминать» и «забывать» – процессы неконтролируемые [35, с. 92], рассматривает память, а также способность «помнить», «вспоминать», «забывать» как «управляемые, контролируемые явления». Часто данные глаголы употребляются с кратким прилагательным «должен» или словами категории состояния с модальным оттенком (*мы должны помнить, мы не должны забывать, надо помнить*); а также с глаголами и выражениями, обозначающими определенные ментальные усилия (*постараюсь восстановить, попробую вспомнить, смогла узнать, вспоминаю я его с трудом, кое-что я все-таки узнала, не любит рассказывать о своих родителях, хотя я знаю...*) [23].

Г. Бельгер придерживается такой же позиции о контролируемости данных явлений.

При обращении к слову «память» и его производным возникает следующий ассоциативный ряд лексем: *знать, помнить, рассказывать, хранить, думать, традиции, род, потомки, будущее, посещать могилы, рассматривать (фотоснимки, награды), оставить след, интересный, значительный, светлая (память), интерес к истокам, древо, корни.*

Таким образом, по словам А.А. Павловой, на основании данного ассоциативного ряда можно сделать вывод, что «*память* в нарративе истории семьи выступает не только как когнитивная способность хранения, обработки и при необходимости воспроизведения информации, но и как особый вид памяти – «*фамильной памяти*», являющейся определенной морально-этической категорией» [23].

Это характерно и для всей прозы Г. Бельгера, для которой концепт *память* является одним из самых частотных.

Синонимами глагола «помнить» («не помнить») в текстах произведений Г. Бельгера выступают следующие сочетания: *врезался в память, запал в душу, запомнился навсегда (накрепко), оставаться в мыслях и сердце, остался в памяти, затаился (затерялся) в глубинах памяти, выветрился из памяти, исчез из памяти, испарился из памяти.*

К дериватам лексем «память» и «помнить» в произведениях писателя относятся слова: *памятный, поминать, поминальный, вспоминать, воспоминание, запоминающийся, упоминание, помниться.* Можно также выделить понятия *думать, размышлять* в значении *помнить* и *знать*.

Как и многие современные исследователи, А.А. Павлова отмечает тесную связь концепта «память» с концептом «кладбище»: «Во-первых, память о месте захоронения считается авторами родословных одним из способов проявления почтения к памяти умерших. Во-вторых, многовековую традицию и особое символическое значение имеет посещение могил родственников. Поскольку смерть сама по себе уже предполагает постепенное стирание из сознания образов и фактов из жизни умерших людей, память о них ценится рассказчиками весьма высоко, что выражается в устойчивых антитезах» [23].

Данная связь подтверждается обращением Г. Бельгера к памяти дорогих усопших, покоящихся на кладбище: «...Потом ровно тридцать лет трудился он в краю казахов, в аулах на берегу Есиля, среди добрых, душевных и благородных людей, *память о которых* он сохранит до скончания своих дней; после этого четверть века жизни прошла в древнем и красивом, многолюдном и солнечном городе, столице узбеков, в окружении детей, внуков, бесчисленной родни и знакомых, и теперь вот... в восемьдесят семь лет понесло его Бог весть куда... О том, новом периоде жизни, старику думать не хотелось, ибо эту новую жизнь он просто-напросто не представлял. *Память* вновь и вновь *возвращала* его к родному отцу в глубине тупика на окраине города и к *кладбищу Домбрабат*, где покоились рядом его младшая дочь и жена» [10]. «Есть регионы, из которых немцы выехали, оставив добротные постройки и ухоженные подворья, в своём большинстве. Ни *память о прожитом*, ни славные следы праведных трудов своих, *ни дорогие могилы близких* – ничего ни в силах их остановить. И обо всех она думала, заботилась, печалилась до самого последнего своего часа, пока не переселилась на постоянное место жительства в *Домбрабад*. Воздадут ли ей благодарной памятью ее многонациональные потомки, чьи души озарены неугасимым светом ее доброго сердца? И вообще, что там, впереди?» [10].

В творчестве Г. Бельгера наблюдаются случаи использования глагола «помнить» в отрицательной форме («не помню», «не помним», «не знал»), когда участники событий ничего не помнят из прошлой жизни, многое забыли или не знали вообще и не стремятся передать память прошлого своим детям и внукам. Здесь автор является сторонним наблюдателем, он даёт оценку происходящему, сожалея о нежелании героев хранить память прошлого, обрывая все связующие нити с давно прошедшим временем: «И *не всегда помним*, что, каждый из нас в отдельности – будь мы хоть семи пядей во лбу – ничто, песчинка, пылинка, если за нами не стоит надежной опорой крепкая, спаянная, многочисленная родня» [10]. «Больше уже никогда Карлсоны и Гертеры в таком составе не собирались. Судьба разметала их повсюду и прошлась по ним тяжким катком. ... А их дети и внуки наверняка и слыхом не слыхивали о деревне Манхайм у речки Караман, одного из притоков Волги. Они *не помнят* эту землю – край предков, а земля эта – *не помнит* их. Нет на свете ничего страшнее подобного взаимного отчуждения на земле» [10]. «На этой земле, в этом селе, никуда не отлучаясь, она прожила семьдесят пять лет. Она *не помнила*, когда вообще появилось это село со столь тёплым и звучным названием. Она *только знала*, что и её отец, и её дед тоже жили в Манхайме. И тоже легли в эту землю. А что было до того, более полутора века тому назад, кто и когда основал эти сёла в тесной близости друг от друга – никто уже *не помнил и не знал*» [10].

4). Помню, так как память – это история (жизни, семьи, эпохи, документов). Понятия «память» и «история» в произведениях Г. Бельгера семантически связаны между собой, являются универсальными, свидетельствуют о народном опыте, событиях прошлого и судьбах людей, используются им в многочисленных монологах-рассуждениях: «*История – это человеческая память*. Прошлое уходит. Верно. Но, заметьте, мил-человек, не умирает. Нет! Я бы даже так сказал: прошлое не проходит. Оно живет в нас. Да, да! Вы согласны? – Вильгельм Артурович покраснелся, начал возбужденно потирать длинный нос, быстро – быстро заходил вдоль стеллажей небольшой комнаты. Казалось, он спорил с невидимым противником. – *История – это память*. А память *не отшибить*. К ней надо относиться уважительно. Мы и так порой излишне усердно внушаем людям, что у них в прошлом ничего не было. А недавно один чудак, облеченный властью, даже высказал публично такое мнение, будто история советских немцев начинается с выхода газеты «Фройндшафт» в Казахстане, то есть, с 1966 года. Каково? Но это вздор! И вот кое-кто из нашего брата начинает верить в это, потому что так удобней, так проще – жить одним сегодняшним днем. Но, мил-человек, надо ведь знать, откуда ты взялся. А?! какой же ты человек, если у тебя нет прошлого, если гордиться тебе нечем» [10].

«...И тогда в ней смутно зарождалось неведомое чувство, легкость, свобода от непостижимого огромного груза, она уже не ощущала ни своего тела, ни тяжести прожитых лет, и впервые за долгую-долгую жизнь *не угнетала, не давила память – память прошлого*» [10].

Концепт *исторической памяти* является определяющим в романе Г. Бельгера «Туюк су», как и мотив в пути: «Люди – песчинка, перекаати-поле. Куда его ветер погонит – лишь Аллах знает» [24, с. 14].

В романе постоянно переплетаются между собой картины настоящего и будущего, создающие событийный ряд и показывающие образную характеристику героев.

О памяти автор иногда говорит как о живом, чувствующем и страдающем существе, олицетворяя её в своих произведениях и используя разные части речи: **глаголы:** (*память*) *не угнетала, не давила; сохранила, всколыхнулась, возвращала, не прощала, подсказывала, выручала, затаилась, затаила, скрыла, разрушила, покидала, обеднела, вскрыла, оживила, вспугнула, переживала, поманила (заманила), напомнила, благодарила, подарила, вспыхнула, опалила; прилагательные: (*память*) *услужливая, разбуженная, капризная, своевольная, доверчивая, недоверчивая, беспокойная, взыскующая, добрая, пробудившаяся, ожившая, благодарная, навязчивая, непримиримая, неуступчивая, игривая, мстительная, обманчивая, продажная, пугливая, суматошная, воскресшая, изменчивая; наречия: (*память как*) *крепко, быстро, внезапно, неожиданно, стремительно, легко, прочно, неожиданно-негаданно, надолго, навсегда; местоимения:* *память о нём, в моей памяти, память о тебе; существительные:* *неизбежность, непрочность, непостоянство, замена, пробелы, изменчивость, сила, постоянство, прочность, надёжность, бремя, груз, тень (памяти).* Герольд Бельгер также акцентирует внимание читателей на основных свойствах и качествах памяти, конкретизируя, какой она является в настоящий момент, используя следующие **прилагательные** для её характеристики: *неизбывная людская память, отдалённая, человеческая, духовная, генетическая, незабвенная, вечная, плохая, хорошая, долгая, избирательная, достойная, опалённая, обременительная, короткая, опрометчивая (память).***

Автор часто использует глаголы, чтобы подчеркнуть собственное отношение к памяти и призывает к необходимости *вспугнуть, прогнать, беречь, хранить, сохранять, оберегать, разбередить (не бередить), сберечь (память); получить, положить, иметь, хранить, взять, приберечь, передать (на память),* добавляя к перечисленному: **должны** *помнить, не должен забывать, об этом следует помнить,* о том **необходимо** *знать:* «Какой же ты человек, если у тебя нет прошлого, если гордиться тебе нечем». «Хранить... А осталось ли ещё что хранить? Думаю, да! Прежде всего *необходимо хранить память.* Не дать ей угаснуть, раствориться, в небытии, не позволить себе превратиться в манкуртов. *Беречь память* о своей истории, о былом можно по-разному. *Сохранить память – сберечь свою душу*» [3]. «*И не канут, не должны кануть в небытие* все их страдания, радости, тревоги, надежды, деяния».

Он напоминает о том, что какие-то важные события (в памяти) *остались, перебирать, всплыли, сохранились, появились, возникли, растворились, исчезли.* Для прозы Г. Бельгера характерно также использование вместо понятий *память* и *помнить* других слов и сочетаний: *вспомнился, забылся, я вспоминаю (с благодарностью), не всегда помним, как сейчас помню, опять вспомнил,*

помнящих ту жизнь, в которых упоминалось, неожиданно вспоминала, вспоминать-то уже некому, памятная встреча, наше прошлое.

«И тревожные лица, испуг в глазах людей, растерянность и подавленность, боль, слезы, все непомерное, многоликое горе – всё, всё *навсегда врезалось в сердце*» [10].

Нередко автор отмечает свободу существования и активность лексемы *память*: её «способность жить, запоминаться, оставаться в памяти, помниться, вспоминаться, увлекать, оставлять след, западать в душу – даже помимо воли субъекта»: «Все новое манит. Особенно в детстве. Вот и он *врезался в память. Запомнился на всю жизнь. И вспомнился тотчас* тот долговязый из давнего детства, *всколыхнулась память*, подумалось о превратности человеческих судеб, о том, что каждый, кто является в этот мир, конечно же, достоин, увидеть солнце, но – увы! – не всегда и не всем это суждено...» [10]. «Обрывались воспоминания обычно сорок первым годом. На этом кончился первый этап их – Давида и Эмилии – долгой жизни. Может, *самый памятный, счастливый*» [10].

Особую выразительность, точность и образность художественному слову писателя придают устойчивые сочетания, активно используемые им в очерках, романах и рассказах: *на память приходят, не выходило из памяти, остаться в памяти, отбить (отишибить), вспугнуть память, в здравом уме и твёрдой памяти, зарубки на память, светлая память, на долгую память, узелок на память, вечная память, девичья память, вычеркнуть из памяти, пришедшее на память, пришло на память, сохранить в памяти, хранят память, оставить след в памяти, запасть в душу (в память), бремя памяти, восстановить в памяти, выудить (вытащить, вытянуть) из памяти, отложилось в памяти.* Автор приводит в пример пословицы и поговорки, фразеологизмы: «Выходит, кое-что *в памяти отложилось*» [8, с. 207]. «Пришедшая *сейчас мне на память казахская поговорка, гласящая: «В прошедшем дне нет следа»,* цитирует когда-то прочитанные и оставшиеся в глубинах памяти вечные истины: «*На память приходит* Екклезиаст: «В будущие дни всё будет забыто. *Нет памяти о* прежних людях. И любовь их, и ненависть, и ревность давно исчезли, и уж нет им участия ни в чём, что делается под солнцем». «Что должно быть, то и будет. А что будет, то уже было» [10, с. 262].

Попадают в текстах и авторские неологизмы: «А поскольку я все же литератор, то *услужливая память мимовольно* (вместо «помимо воли») *выдает* разные обрывки фраз из классики» [10, с. 286]. «Хозяева решили пригласить лишь тех, кто помнил Эдмунда с детства.., и сохранил *в душе-памяти* отблеск далёких отпылавших военных лет» [24, с. 202]. «*Обременительная память*» [26, с. 42]. «Зачем я всё это помню, зачем всю жизнь, точно раб, как опостылевшие вериги ношу все эти напасти в *непосильной торбе* своей *памяти?*» [26, с. 42]. Отмечаются повторы, подчёркивающие нарастающий характер событий: «Она хорошо все *помнила, перебирала, оживила в памяти*»; «*Всё ушло, растаяло в дымке прошлого, кануло бесследно в Лету* – и далекие безмятежные дни, и тяжкие будни, и призрачные надежды, и многолюдное немецкое село на Волге Мангейм, и даже *память о нем*» [10, с. 331]. «*Ни*

память о прожитом, ни славные следы праведных трудов своих, ни дорогие могилы близких – ничто ни в силах их остановить» [10, с. 262].

«*Время памяти* придавливает все безжалостней к земле. Бесконечные думы обсаывают сердце, как змея. Должно быть, человек часто и умирает-то не от возраста, не от хворей, не от изношенности брэнного тела, а от непомерного, непосильного *бремени прожитых лет, от бремени беспокойной, взыскующей памяти, попросту от бремени будней*». «История – это *человеческая память*. История – это *память*», «*Помню* улицу, *помню* бабушкин дом, больше ничего *не помню...*, *помню* кое-кого из сельчан, типы лиц, песни тех предвоенных лет», «*Не угнетала, не давила память – память прошлого*», «*Я помню, я помню* чуть больше, *я неплохо помню, как сейчас помню, больше ничего не помню*» [10].

В произведениях Г. Бельгера от глагола *помнить*, имеющего общую этимологию с *памятью* (согласно данным этимологического словаря русского языка М. Фасмера) и обозначающего мнемический процесс «хранение информации», с помощью приставочного словообразования образованы многочисленные глаголы, называющие другие мнемические процессы: *запомнить*, разг. *упомнить* (процесс запоминания, «меморизации»), *вспомнить* (устар. *воспомнить*, прост. *вспомнать*), *поминать*, *напомнить*, *припомнить* (процесс воспроизводства информации): «Давайте лучше *вспомним* немецкие пословицы и изречения о родном доме»; «Если подумать, и я ещё десяток, пожалуй, *припомню*» [8, с. 207-208].

Выявлены примеры, когда субъекты памяти названы метонимически: *память сердца, память души* – это память человека о его чувствах и переживаниях; *память ума* – действие рассудочной памяти; *память встреч, память будней* – умение помнить что-то важное в жизни; *память прошлого* – свойство человека помнить обо всём: «*Не угнетала, не давила память – память прошлого*».

В прозе писателя наблюдаются примеры использования им онтологических метафор, когда *память* подвергается персонификации, вступая с человеком в диалог и как бы приобретая собственную независимость, отчуждённость от него: *память говорит, сохраняет, забирает, подсказывает, нашептывает, возвращает, даёт силы, не отпускает, мучит, дразнит, негодует, страдает, отнимает, дарит, преподносит, смеётся (над)* и т.д.

В творчестве писателя нами выявлены следующие случаи метафоризации: «Христьян своими рассказами *душу разбередил, сердце всколыхнул, память разбудил*»; «Пока в тебе *горит память – ты жив*»; «Её *генетическая память сохранила* дух, нравы, обычаи»; «*Память* вновь и вновь *возвращала* его к родному отцу в глубине тупика на окраине города»; «*Память преподносит* свои неожиданные сюрпризы» [8, с. 208-209].

В произведениях наблюдается приём противопоставления, приём отрицания «*не помнить, не знать*»: «*Они не помнят* эту землю – край предков, а земля эта – *не помнит их*. Она *не помнила*, когда вообще появилось это село со столь тёплым и звучным названием. Она *только знала*, что и её отец, и её дед тоже жили в Манхайме. И тоже легли в эту землю. А что было до того,

более полутора столетия тому назад, кто и когда основал эти сёла в тесной близости друг от друга – *никто уже не помнил и не знал*» [10].

Г. Бельгер выделяет и национальную черту в особенностях памяти казахов: «Я приходил в восторг, и во мне зарождалась белая зависть ещё в далёком моём детстве, когда мои аульные сверстники-казахи без запинки называли своих предков до седьмого колена. Знакомые мне немцы и русские похвастаться этим не могли. Этой *исторической памятью* казахов я поражаюсь и поныне»; «Лишённый в течение веков письменности, зафиксированной печатно истории, архива, надёжной научной документации, кочевник придавал исключительное значение *родовой памяти*, родословному древу по отцовской и материнской линиям» [25, с. 242].

В творчестве Г. Бельгера звучит вывод о том, какое место отводит писатель концепту *память* и отмечена его как родственная, так и общечеловеческая значимость: «Влекомые повседневными суетными делами и делишками, мы не всегда понимаем, не всегда сознаем людскую и уже – родственную взаимосвязь. А ведь не откуда-нибудь, а именно от нее тянется нить к человеческим взаимосвязям и от них – к всечеловеческим, общечеловеческим. И *не всегда помним*, что, каждый из нас в отдельности – будь мы хоть семи пядей во лбу – ничто, песчинка, пылинка, если за нами не стоит надежной опорой крепкая, спаянная, многочисленная родня» [10]. «А иначе всё превращается в прах. Земля, как женщина, как мать, нуждается в любви, в привязанности, в *доброй памяти*. Без этого она умирает. Как нищают, калечатся души и тех, кто покинул её или вынужден был не по своей воле её оставить и мытариться в чужой стороне».

Слова о *памяти* звучат как заклинание, призыв помнить о «прошлом, без которого нет и не может быть достойного будущего»: «Не может не передаваться детям, внукам, потомкам хотя бы *отдаленная память*, хотя бы *тень памяти* обо всем, чем жили, мучались, страдали, гордились их недавние или далекие предки. Нет, не может. Не должно быть! Иначе жизнь окажется несправедливой. А она не может быть несправедливой» [10].

Ценность исторической памяти народа, собственные представления о выявлении взаимообусловленности и взаимосвязанности прошлого, настоящего и будущего приводят автора к размышлениям над проблемой исторического времени. Главная идея известных романов Г. Бельгера «Дом скитальца» и «Туюк су» отчётливо выражена в его обращении к теме нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа. Дом скитальца – его память. Человек жив, пока он помнит родину, детство: «... И подумал, что в каждом из нас, вероятно, живет несколько жизней, что души наши, что бы ни случилось, созвучны, что вся их жизнь, родичей моих, – во мне; все эти судьбы – во мне; вся их боль – во мне. Но и радость их во мне; и их надежда, сокровенная, неизбывная...»; «И вся твоя суть – в этой тощей торбе твоих болей и обид. И еще – *памяти*, которая всегда с тобой, пока не покинет рассудок» [10].

«Я слушаю, впитываю каждое слово, каждый звук старинной песни, и неизъяснимым теплом окатывается мое сердце. Поразительно: в народной

песне, даже самой печальной, всегда остается надежда, хоть крохотный намек на желанное человеческое счастье. Может, в песне и сохраняется, сберегается *неизбывная людская память*? Для чего-то люди жили и живут на свете. И не канут, не должны кануть в небытие все их страдания, радости, тревоги, надежды, деяния» [10].

Мысли писателя о памяти звучат как наставление, как наказ молодому поколению о большой роли и силе памяти в жизни каждого человека, о том, как надо помнить и как надо жить, помня и сохраняя своё человеческое достоинство и передавая память о прошлом своим близким, сверстникам, всему народу. Сохраняя память о прошлом – сохраняешь жизнь со всеми её горестями и радостями, потерями и неудачами, повторяя и подтверждая известную истину: «без прошлого нет будущего».

«... У каждого поколения, естественно, своя жизнь, но молодые *должны помнить о пережитом* старшими, должны чувствовать их время и знать их чаще всего непростые пути-дороги, их судьбы, иначе оборвётся магическая связующая нить, и вырастет сытое, бездумное, безродное племя» [10].

«И мудрец Николай Рерих пишет в своих «Листах дневника»: «Всеми начертаниями народы *хранят память* и кричат и шепчут друг другу драгоценное слово о сердце» [10]. «Насильственно оманкуртизированный народ, понятно, *плохо помнит* свою родословную. Многие из российских немцев не то, что далеких предков, родителей толком не знают. И об этом *следует помнить*. И о том необходимо знать. Это нужно вовсе не для того, чтобы еще раз разоблачить кровавый сталинский режим, не для проклятий палачам, а для того, чтобы *сберечь память*, чтобы люди знали правду» [10].

Можно потерять всё, можно в одночасье лишиться всех близких, но только лишившись памяти – лишишься всего, даже продолжая жить. Поэтому надо помнить, надо жить, несмотря ни на что, – к этому призывает Г. Бельгер всем своим творчеством, своей жизнью, устами своих героев.

Не случайно Христьян, один из главных героев романа «Дом скитальца», в последние дни своей жизни и искалеченной войной судьбы немецкого спецпереселенца, рассуждает так: «*Память, память...* Что нам, развеянным по свету, осталось? Ни родины, ни дома. *Только память*. Главное богатство скитальца... Бездомными мы будем тогда, когда *лишимся памяти*. Дом скитальца – *память*. Пока в тебе *горит память* – ты жив. Где бы не обитал. Где бы не строил свой дом. *Память* – наша надежда. Её всегда старались у нас отбить, отшибить. Едва ли не с того самого момента, когда наши предки вступили на российские просторы. А мы всё сопротивляемся и храним, *бережём* нашу *память*. И в этом, видимо, наше единственное спасение...» [26, с. 209].

Как завет, как призыв беречь и сохранять память прошлого, звучат следующие строки автора, как «пепел Клааса» стучащие в сердце каждого представителя немецкого народа: «Придёт время, и он многое... прочтёт, изучит, о многом расскажет, напишет, а, может, даже продолжит этот уникальный, незабвенный, подвижнический труд своего земляка-единокровника, дабы соплеменники не лишились своего Духа, своей гордости, *своей памяти и помнили*: «Мы не пыль на ветру, не пыль, не пыль...» [26, с. 48].

Глава 3 Концепт родина и его отражение в творчестве Герольда Бельгера

3.1 Концепт *родина* в современных исследованиях

В каждой культуре существуют ключевые слова или концепты, набор этих концептов может качественно и количественно меняться с течением времени.

По мнению А. Вежбицкой, «культуроспецифичные слова представляют собою понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами, и они способствуют увековечению этих способов» [8, с. 267]. Ключевые слова, по её определению, – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [8, с. 282]. Формируя центральные для некоторой области культуры свойства и функционируя в данном качестве в пословице, ключевые слова «могут привести нас в сердцевину целого комплекса культурных ценностей и установок, выражаемых в общепринятой практике разговора и раскрывающих целую сеть культурно специфических, культурно обусловленных сценариев» [8].

Одним из активно используемых концептов в современной литературе является понятие родины.

Концепт *родина* является одним из ключевых в русской культуре. Известный русский филолог, академик В.В. Виноградов отмечал, что высокое общественно-политическое значение слова «родина» не было известно в пушкинскую эпоху, когда родиной назывались родные места, и что современный его смысл был закреплен за словом «отечество»: «Слово *родина* в языке Пушкина не имело того острого общественно-политического и притом революционного смысла, который был связан со словом отечество (и отчасти со словом *отчизна*). Достаточно сослаться на употребление слова *родина* в стихотворениях: «Городок», «Дон», «Янко Марнавич» (из цикла «Песни Западных славян»), «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году [Александрю]», «Погасло дневное светило», «К Овидию»; в поэмах «Руслан и Людмила» (песнь 1), «Кавказский пленник» (ч.1), в «Арапе Петра Великого», в «Дубровском» и «Истории Пугачева». Значение слова «родина» ярко выступает в связи с тем циклом образов, который предназначался для предисловия к «Повестям Белкина» и затем нашел себе место в «Истории села Горюхина» и позднее в «Дубровском». (Ср. в «Дубровском»: «*Через 10 минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем были только что посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями*». Ср. в «Истории села Горюхина»: «... и через 10 минут въехал на барский двор. Сердце мое сильно билось – я смотрел вокруг себя с волнением неописанным. 8 лет не видал я Горюхина. Березки, которые при мне были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями» и т.п.) [41, с. 152].

Ю.С. Степанов выделяет следующие концепты или «константы русской культуры»: СВОИ И ЧУЖИЕ, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ, отмечая существование русской культуры в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, выражающих данные культурные концепты. Концепты СВОИ И ЧУЖИЕ, по его мнению, пронизывают всю культуру и представляют собой коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение. Этнический стереотип поведения определяет этнос.

Опираясь на описание концепта РОДНАЯ ЗЕМЛЯ М.М. Пришвиным, Ю.С. Степанов выделяет в нём следующие компоненты: а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная родным словом. Отсюда его убеждённость в том, что становление данного концепта можно рассматривать, как «некую линию, которая раздваивается, и с одной стороны, этот концепт смыкается с представлениями об особой русской религиозности, а с другой, с особым русским отношением к своей стране и земле как к матери или как к жене» [31, с. 174].

Концепт РОДИНА (концептосфера PATRIA) стал привлекать внимание отечественных и европейских лингвистов (Е. Бартминьский, А. Вежбицкая, В.Н. Телия, И. Сандомирская, С.М. Толстая и др.) в конце 90-х гг. XX века, когда особо актуальными стали проблемы национальной идентичности и их отражение и выражение в языке. «Эти исследования показали, что концепт РОДИНА обладает специфическими чертами, выделяющими его среди других культурных концептов. Прежде всего, концепт РОДИНА является реляционным концептом, т.е. в его структуре обязательно наличие параметра отношения. Выступая как объект, родина всегда чья-то: *моя, наша, X-а, X-ов* (В.Н. Телия); родину можно *иметь* или *не иметь*, т.е. обязательно наличие субъекта, осознающего, что у него есть родина / нет родины. В языках, располагающих несколькими лексическими единицами для выражения понятия РОДИНА, наблюдается противопоставление «малой родины», «личностно-своего пространства» (А. Вежбицка) и «большой родины» – отечества как государства. Таким образом, в концепте РОДИНА выделяется идеологическая составляющая, связанная с тем, что этот концепт, будучи средством идентификации индивида, всегда оказывается «нагруженным» политической историей страны».

По словам исследователя Е.М. Игнатовой, «культурный концепт РОДИНА привлекает и далее внимание исследователей, поскольку он теснейшим образом связан как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией», имеет «непреходящую значимость для каждой лингвокультуры и для каждого ее исторического среза» [17, с. 8].

Следует отметить, что в последние годы интерес к понятию *Родина* среди лингвистов привел к нескольким попыткам семантического и концептуального анализа данного понятия. В сборнике работ о разных «родинах» под редакцией Ежи Бартминьского сделана попытка сопоставления соответствующих слов в разных культурах и разных языках: «Для реконструкции языковой картины мира немаловажное значение имеет анализ таких универсальных категорий, как

время и *пространство*; способы их концептуализации в отдельных языках; то, как функционируют такие оппозиции, как *свой / чужой*, *мы / они*, а так же национальные, религиозные, идеологические и региональные авто- и гетеростереотипы [5].

В основе представленного проекта лежит убеждение, что реконструкция языковых картин мира должна принимать во внимание их фундаменту, т.е. ценности, которые эту картину формируют и которые в наивысшей степени определяют коллективную самоидентификацию сообщества. Уже многократно сигнализировалось, что названия транснациональных ценностей – на первый взгляд вполне эквивалентных и отсылающие к общей основе – обычно понимаются по-разному, потому что входят в разные исторические и культурные контексты, в иначе направленные системы ценностей. Например, в разных языках значительно различаются соответствия латинского понятия *patria* – итал. и исп. *patria*, фр. *patrie*, англ. *fatherland / motherland / homeland*, нем. *Vaterland / Heimat*; пол. *ojczyzna*, рус. *отечество / родина*, укр. *батьківщина* и т.д. Насколько в славянской народной традиции, как показала С.М. Толстая, человек имел свое место в космосе, а концептуализация того, что было своим и близким, имела мифологический характер, настолько в ходе исторического развития она получает социальный и даже политический характер, опирающийся на осознание своей земли, своего народа, которые противопоставлены чужой земле и чужому народу (Толстая 1993, 2008, Grzegorzczukowa 2008)» [34].

Используя культурный подход к семантике слова, А. Вежбицка провела анализ немецких *Vaterland* и *Heimat*, польского *ojczyzna* и русских *родина*, *отечество*, *отчизна*. В.Н. Телия, опираясь на архетипическое мышление, дала лингвокультурологическое описание русского концепта *родина*.

Исследователь И. Сандомирская в «Книге о родине» пишет так: «Теоретический интерес лингвистики к понятиям типа Родины не случаен. Он продиктован внутренней логикой лексико-семантического описания, которое опирается на понятие семантического треугольника: имя – значение – смысл; имя – денотат – сигнификат»; «Родину с полным правом можно отнести если не к числу констант русской культуры, то к числу самых устойчивых конструкций культуры русской Современности» [26, с. 50].

«Именно через свои эстетические свойства – эмоциональность, память тела, чувство прекрасного, стремление к гармонии – конструкции *Родины*, *Отечества* и *Отчизны* подключаются к политике в широком понимании этого слова. Эти конструкции используются как инструменты политического воздействия не сами по себе, а благодаря тому, что притягивают к себе эстетическую интерпретацию. ...В результате нами выявлено три топика и, в рамках каждого из них, следующие истории:

I. Любовь к родине. «Перекасти-поле» (ключевые слова: *малая родина*, *отчизна*, *родная / чужая сторона*); «Далекий замуж» (ключевые слова: *родная сторонка*, *чужая сторона*); «Изгнанник Родины» (ключевые слова: *Родина*, *отчизна*);

П. Долг перед Родиной. «Сыновья (и дочери) Родины» (ключевые слова: *Родина, Отчизна*); «Защитник Родины» (ключевые слова: *Родина, Отечество*); «Изменник Родины» (ключевое слово: *Родина*);

III. Величие Родины. «Семья народов» (ключевое слово: *Родина*); «Военная мощь Родины» (ключевые слова: *Родина, Отечество*); «Счастливое детство» (ключевые слова: *Родина, Отчизна*)» [26, с. 51].

Далее она поясняет порядок расположения данных нарратив в соответствии с тем порядком, в котором значения ключевых слов (*Родина* и пр.) были бы расположены в толковом словаре: «Как известно, в качестве исходного в словарях принимается значение непереосмысленное, тот смысл, от которого вторичные значения являются семантически производными. Поэтому имя *Родина* в значении «местность, где X родился и/или вырос» мы считаем словообразовательно первичным, тогда как ее значение «государство, гражданином которого X является и идеологию которого разделяет» мы считаем словообразовательно вторичным, результатом тропеического переноса. Соблюдая словарный порядок, мы хотели не только отдать должное традиции, но и указать на значимость самого процесса деривации, ее логической последовательности. Этот процесс деривации не безразличен к идеологии и политике.

Отдавая дань традиции лексико-семантического исследования, мы организовали нарративы вокруг «вершинных сем» – ядра семантизации, вокруг которого располагаются компоненты значения. Таких вершинных сем обнаружено три – *Любовь, Долг* и *Величие*. Эти вершины можно считать ключевыми в порождении мифологии Родины. Археология языка Родины показывает, что вершинные компоненты не меняются на протяжении истории дискурса и определяют мифопорождение буквально на любом его диахроническом срезе».

Будучи, формально говоря, словами, под которыми подразумевается геополитическое пространство (страна, место рождения), имена *Родина / Отечество / Отчизна* на деле передают отношение идентификации коллективного «мы» с историей, определение символических границ «коллективного своего» во временных координатах «сейчас», «прежде» и «потом». Образы, из которых складывается соответствующий фигуратив, связаны с работой желания, но само желание неисторично... В историческом отношении конструкцию Родины имеет смысл рассматривать как желание саморепрезентации в отношениях между языком и временем. Именно в этом контексте идеология получает свое объяснение: идеологически значимое имя *Родина* возникает тогда, когда желание коллективного имени запускает в ход машину языка в деле сотворения истории.

«В современном русском литературном языке конструкция *Родины*... закодирована разными языками культуры: среди прочих, мы наблюдали здесь признаки политического языка власти, языка поэтического творчества и языка повседневной культуры «простого человека». Выраженность понятия в каждом из этих языков оказывает цементирующее воздействие: политика, поэзия и повседневность обретают общий предмет для говорения, хотя реализуют такое

говoreние по-разному, через различные нарративы. Говoreние о Родине приобретает свойства рекурсивного текста: его предмет канонизируется, а означающие приобретают фразеологическую связанность, внутреннюю спаянность. Миф сворачивается в идиому.

Благодаря нарративному характеру метафоры, культурная конструкция Родины живет в культуре не как атомарное понятие, а как развитый интертекст, как своего рода анонимная, коллективно создаваемая литература. Метафоры Родины не украшают собой, а создают идеографическое пространство как таковое. Они задают собственно способы говорения, риторические локусы и перспективы. Это пространство не просто заполнено некоторой суммой метафор и образов, но населено, наподобие целостного художественного мира литературного произведения, самыми разнообразными сюжетами и героями – тружениками и воинами, изгнанниками и изменниками, певцами и поэтами, наконец, братьями, сестрами, детьми, отцами и дедами и т.п. Лирический, эпический планы Родины рассеяны между дискретными единицами языка, которые объединяются между собой скрытыми в актантной структуре нарративными ходами.

Эти нарративы суммируются из коннотаций, из которых соткана дискурсивная ткань Родины, и уже в самих именах *Родина*, *Отечество*, *Отчизна* они присутствуют как потенции, как дискурсивные ожидания. Разделять такие дискурсивные ожидания с другими людьми, уметь их актуализировать в высказывании – это и значит владеть языком.

«В персонификации Родины через ее прототипных акторов проявляется сходство между современным массовым дискурсом о Родине и древней мифологией, в которой, как известно, все силы, управляющие жизнью человека, были олицетворены в образах богов и воплощены в культовых практиках. Родина – тоже своего рода имя божества, в некотором роде подобное сакральному имени или титулу; иными словами, наряду с риторически небезразличным именем страны, это еще и имя культа (о квазирелигиозном характере любой институции и, следовательно, о культовом характере тех коллективных репрезентаций, которые, от лица институции и силой ее авторитета, картируют мир и задают категории, – писал еще Дюркгейм, когда закладывал основания социологии). Отсюда мифологизированные интерпретации, принятые в практиках политического языка, в частности, в пропаганде. С другой стороны, нельзя не указать на сходство дискурса о Родине с произведениями массовой культуры, например, с современными нам комиксами или телесериалами, в которых коллизии сюжета и взаимоотношения между персонажами призваны миметически воспроизводить «настоящую жизнь», а не являть собой, как это наблюдается в мифе, символ некоей иной, высшей невидимой реальности» [26, с. 148-149].

С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «любовь к родине считается – и, видимо, вполне справедливо – неотъемлемой чертой русского национального характера. Вся русская литература, вся русская поэзия пронизана любовью к России: от лермонтовского «Люблю отчизну я...» до рубцовского «Россия, Русь, храни себя, храни». Русский язык неопровержимо свидетельствует о такой

черте русского национального характера, как открытый патриотизм, словесно выраженная любовь к родине. Особенно ярко эта черта проявляется при сопоставлении русского языка с английским. Действительно, русский язык изобилует эмоционально окрашенными словами, обозначающими место рождения человека, край, страну, где человек родился: *родина, родная страна (сторона/сторонка), отечество, отчизна*. Эти слова и сочетания с ними имеют положительные коннотации, делают речь более эмоциональной, приподнятой.

Россия с ее бескрайними землями всегда представляла собой соблазн для завоевателей со всех сторон света, кроме разве что севера, где просто никого нет, кроме белых медведей. Неудивительно поэтому, что словосочетания *защита родины, защита отечества; защищать родину/отечество; родина/отечество/отчизна в опасности* устойчивы и регулярно воспроизводимы. Всем этим русским высоким и, несмотря на это, широко употребительным словам в английском языке соответствует одно-единственное нейтральное слово *country*. Человек без родины – это *a man without a country*. За Бога, царя и отечество – *for God, my country and the tzar*» [32, с. 176].

Далее автор уточняет, что особенно ярко эта черта проявляется при сопоставлении русского языка с английским: ярким эмоциональным словам *родина, отчизна, отчий дом* соответствует одно единственное нейтральное слово *country* в английском языке. В английском языке существуют слова *motherland* и *fatherland*, но они практически никогда не употребляются англичанами по отношению к своей собственной родине.

В понимании каждого человека и в наши дни понятие «родная земля» продолжает являться одним из самых первых и важных, может быть сопоставимо с образом матери-кормилицы, которую никто никогда не сможет заменить: «Родная сторона – мать, чужая – мачеха». Для всех людей, живущих на земле, неопровержима истина: без родины нет народа, любой человек с древности свято чтит понятие иметь (знать) «свои корни». Как дерево крепко вырастает корнями в почву, так и человек прочно оседает на родной земле. Не случайно в устном народном творчестве и литературе воспевается образ Родины, находит своё отражение в пословицах, сохранившихся в огромном количестве.

В.И. Даль в известный сборник «Пословицы русского народа» включил 130 пословиц в раздел «Родина – чужбина», отметив особую значимость Родины для любого человека: «Глупа та птица, которой гнездо своё не мило», «И кости по родине плачут (по преданию, что в некоторых могилах слышен вой костей)», «На родной стороне и камешек знаком», «Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет», «За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да своё», «Далеко сосна стоит, а своему лесу веет (шумит, говорит)», «Где кто родился, там и пригодится», «Мила та сторона (не забудешь ту сторону), где пупок резан (т.е. родина)», «Всякому мила своя сторона. Любит и нищий своё хламовище», «Всяк кулик своё болото хвалит», «Своя сторонка и собаке мила. И собака свою сторону знает» [12]. Большинство пословиц, включенных в эту рубрику, имеет оценочный характер.

С.Г. Тер-Минасова в своем исследовании подчёркивает, что русский человек всегда отличался очень эмоциональным, открытым отношением к родине-матушке, к святому отечеству. Русский язык свидетельствует: *любовь к родине/отечеству/отчизне* – это абсолютно устойчивые словосочетания, которые клишировались от регулярного воспроизведения в речи. Понятие родины в русских пробуждает много эмоций. Родина – женского рода, часто она воспринимается как мать (*родина-мать, родина-матушка*).

«Действительно, тоска по родине – это устойчивое выражение, зарегистрированное словарем под редакцией Д.Н. Ушакова. Интересно, что менее употребительное, чем *родина* и *отечество*, слово *отчизна* в том же словаре Ушакова, изданном в 1938 году, имеет пометы «устар.» и «ритор.». Однако в более позднем словаре Ожегова, изданном в 1949 году, это слово дается без этих помет. Можно предположить, что слово *отчизна* перестало быть устаревшим по социокультурным причинам: между выходом в свет второго тома словаря Ушакова и словарем Ожегова прошла Великая Отечественная война, вызвавшая огромный подъем патриотизма, на что язык немедленно отреагировал оживлением (не хочется говорить реанимацией, но по сути именно так) или, вернее, омоложением устаревших слов» [32, с. 177].

Новая, гораздо более активная речевая жизнь началась и у слова *отечество* и его производного *отечественный* после распада Советского Союза. Широко употреблявшееся прежде слово *советский*, удобное по ряду причин (например, в вопросах национальности и гражданства, по контрасту с нынешней ситуацией разнобоя и путаницы между Русским и российским), во многих контекстах заменилось словами *отечество*.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет данное слово так: «*Родина* – отечество, отчизна, страна, в которой человек родился; исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, общественным устройством, особенностями языка, культуры, быта и нравов» [33].

Этимологический словарь М. Фасмера даёт следующее толкование слова «Родина»: «отечество», тогда как укр. *родина* = «семья», блр. *ródzina* – то же, болг. *родина* «родина, место рождения», сербохорв. *родина* «обилие плодов», словен. *rodina* – то же, чеш., слвц. *rodina* «семья», польск. *rodzina* – то же. произведено от род ...» [39].

Е.М. Игнатова в работе «Концепт «Родина» в идеологическом дискурсе: на материале немецкой политической пропаганды 20-40-х гг. XX века» пишет так: «Если сравнить варианты значений слов *Heimat* и *Vaterland*, как они представлены в словаре Я. и В. Гриммов, то можно сделать следующие выводы.

1) И в том, и в другом случае мы можем говорить о семантической дифференциации значений при стабильном семантическом ядре, т.е. те разновидности значений, которые зафиксированы словарем Я. и В. Гриммов, представляют собой как у слова *Heimat*, так и у слова *Vaterland* детализацию и/или модификацию их основных значений.

2) *Heimat* и *Vaterland* близки по исходному значению, однако разница во внутренней форме представляется существенной: восхождение к концептам

ДОМ у *Heimat* и ОТЕЦ у *Vaterland*. Также важен при семантическом и концептуальном описании «возраст» лексем: *Vaterland* как лексема «моложе» *Heimat*, и можно предположить, что развитие значения в сторону, с одной стороны, метафоризации, а с другой, политизации связано как с внутренней формой лексемы *Vaterland*, так и с ее лексически более «молодым» характером.

Анализ сложных существительных с первым компонентом *Heimat* – показал следующее. В качестве второго, т.е. определяемого, компонента выступают существительные следующих типов: 1) обладающие значением «жилище» в прямом или метонимическом значении (*Haus, Hütte, Herd*); 2) пространственные объекты микротопонимического плана (*Flur, Forst, Gegend, Strand, Gewässer*); 3) объекты, ассоциативно связанные с ностальгией (это значение выводится из приводимых в словаре Я. и В. Гриммов контекстов) (*Liedchen, Luft, Klang*)» [17, с. 10].

Далее Игнатова продолжает: «сравнение композитов с первыми компонентами *Vaterlands* – и *Heimat* – показывает, что композиционные возможности этих двух компонентов, а также композиционная семантика полученных сложений различна. Если *Heimat* комбинируется с существительными со значением «дом» и «ближайшее микротопонимическое окружение», т.е. полностью реализуется значение «малая родина», то сочетаемость *Vaterlands*- является более разнообразной и охватывает субстантивы со значением эмоций, а также обозначающих морально-этические понятия. Все это является еще одним подтверждением того, что к середине XIX в. в значении лексемы *Vaterland*, первоначально синонимичной *Heimat*, сформировался такой семантический компонент, который позволил этому слову в дальнейшем стать обозначением политического и идеологического концепта» [17, с. 11].

Таким образом, мы можем наблюдать непреходящий интерес исследователей к концепту *родина* в наши дни, попытки рассмотреть данное понятие, как с научной, так и культурно-значимой, социальной и политической сторон, особенности его отражения в языке и литературе разных народов.

3.2 Отражение концепта *родина* в творчестве Герольда Бельгера

Тема родины, дома является ведущей в мировой литературе. Практически каждый писатель так или иначе обращается к ней на протяжении долгого времени. Образ дома возникает в произведениях А.П. Чехова, М. Симашко, Н.С. Лескова и многих других известных авторов XIX-XX веков. Ф.М. Достоевский, в частности, писал: «У каждого человека должен быть дом, куда он может прийти». «Но где мой дом и где рассудок мой?» – продолжает в XX веке А.А. Ахматова.

«В истории национальных литератур суверенного Казахстана происходит переосмысливание картин прошлого и связи времен. Феномен изгнания («Прошлое как непреходящий феномен») предполагает балансирование на зыбкой границе между памятью, страхом забыть отцовский очаг и забвением. В инонациональной среде, в контексте другой культуры внутренним ответом на это состояние («между», как определяет его

московский литературовед Казбек Султанов) становится долгая мысль об уникальности и единственности Традиции.

Концепты *память* и *родина* являются ведущими в творчестве современных корейских поэтов и прозаиков Казахстана. Размышления о родине проходят лейтмотивом через рассказ «Как называется тот край...» Хан Дина, старейшего писателя республики, лауреата премии имени Б. Майлина СП Казахстана: «...*Родиной* называется то место, где человек рождается, а как называется место, где он умирает? Есть ли такое слово? Не может быть, чтобы у этого места не было своего названия? Должно быть... Ласковое, грустное... Чтобы при упоминании о нем защемило в груди...» [1].

Эти же слова с полным правом можно отнести к творчеству Г. Бельгера, для которого понятия *родины* и *памяти* являются неразделимыми, вечными, тесно связанными между собой и не дающими покоя вечным скитальцам, ищущим своё место на земле.

Для современного исследователя – профессора Московского РГГУ Е.И. Зейферт – изучение темы творчества российских немцев является одной из основных. Е.И. Зейферт – поэт, прозаик, переводчик, критик, внучка репрессированных из Поволжья немцев, родилась в г. Караганде, до отъезда в г. Москву работала в КарГУ имени Е.А. Букетова и в течение многих лет тесно сотрудничала с Г. Бельгером, с которым её объединяло очень многое и в жизни, и в творчестве. Она отмечает, что «российско-немецкий народ – один из народов-изгнанников. В российско-немецких произведениях распространены темы и мотивы пути. Желаемый итог пути для российского немца – обретение родины, дома. Будучи связанной с проблемами не только депортации, но и эмиграции, тема изгнания категорично заявлена в российско-немецком песенном и стихотворном творчестве. К словам «*der (die) Verbannte*», «изгнанник» примыкают в разной степени близкие им «*der Aussiedler*» – «выселенный», «*der Umsiedler*» – «переселенец», производные от глагола «*verjagen*» – «прогонять», а также русские слова «изгой», «странник». Не все эти слова – полновесные синонимы ключевых понятий. К примеру, странник – это странствующий человек, обычно, но не всегда бездомный или гонимый. Ключевое понятие «изгнанник», как видим, более адекватно выражению российско-немецкой судьбы» [14, с. 41-46].

«Выбор нами именно слова “*das Heim*” (в сравнении с лексемой “*das Haus*”) обусловлен его лингвоспецифичностью, которая доказывается различными фактами.

1. Слово “*das Heim*” имеет первое словарное значение “дом, домашний очаг”, в то время как первое словарное значение лексемы “*das Haus*” – “дом, здание, строение” и только второе – “дом, домашний очаг”.

2. Слово “*das Heim*” является однокоренным слову “*die Heimat*” (“родина”), что вносит дополнительные коннотации в понятие “*das Heim*” (“родной дом”) и усиливает лексические оттенки, уже содержащиеся в нём.

3. Существует наречие “*daheim*”, означающее и “дома”, и “на родине” (русское слово “дома” также может быть использовано в значении “на родине”: “Наконец-то мы дома” и др.).

4. В немецких пословицах о доме как о прибежище, родном, уютном гнезде, родине в основном используется наречие “daheim” (“Daheim ist man König” [“Дома каждый король”], “Wer unter den seinen ist, der ist daheim” [“Кто среди своих, тот дома”], “Daheim ist Mann zwei” [“Дома человек за двоих”] и др.), в то время как слово “das Haus” чаще используется в пословицах о доме как строении (“Ohne Maus kein Haus” [“Нет дома без мышей”]) и реже в значении “дом, родина” (“Jeder ist Herr in seinem Hause” [“Каждый в своём доме господин”])¹.

5. Лексема “Heimweh” восходит к словам “das Heim” и “die Heimat” и переводится как “тоска по родине, по дому”.

6. Немецкое слово “heimisch” переводится как “домашний, родной”.

7. Глаголы “heimkehren”, “heimkommen” означают “вернуться на родину, домой” (производные от них “die Heimkehr”, “die Heimkunft” – “возвращение, прибытие на родину, домой”; “der Heimkehrer” – “вернувшийся на родину”).

В художественных текстах преобладает использование слова “das Heim” в значении “(родной) дом, родина” (Лакманн А. Ich will Heim [Я хочу домой]), в то время как слово “das Haus” чаще используется в значении “(чужой) дом”» [15].

«Наряду с основными российско-немецкими ключевыми понятиями «die Heimat, das Heim» [«Родина, (родной) дом»] для российских немцев становятся характерны «бездомье / отсутствие родины», углубляется смысл ещё одного концепта – «das Heimweh» / «тоска по родине». Ключевыми понятиями являются также «Der Weg» / «путь», «die Verbannung»/ «изгнание», «die Hoffnung» («надежда»), а «die Heimat» имеет контекстуальный синоним «Wolgaland», – подчёркивает Е.И. Зейферт [14, с. 41-46].

Хорошо знакома Е.И. Зейферт с жизнью и творческой деятельностью известного казахстанского писателя Герольда Бельгера, в произведениях которого тема родины и дома получила особое звучание. Широкому кругу читателей известны её исповедальные беседы с автором, «Читая Герольда Бельгера», «Дом скитальца» Герольда Бельгера – книга-музей», «Современная литература советских немцев как факт самоидентификации» и др.

«В книгах российско-немецких авторов нередко ощущается мучительная раздвоенность, метание между фактической и исторической родиной, боль утраты прошлого», – пишет она об Александре Шмидте в статье «Поводырь слепого дождя» [16, с. 28].

У многих героев произведений Герольда Бельгера также присутствует похожее смятение чувств, разлад в душе и жизни, стремление к обретению потерянной родины. *Родина* и *дом* для него, как и для его многочисленных персонажей, неразделимы, являются гарантом счастья, любви, спокойствия и надёжности.

В его рассказах, повестях, романах («Дом скитальца», «Сосновый дом на краю аула» и др.) понятие «дом» является одним из ключевых, так как, во-первых, он стремится понять глубинную суть бытия человека; с другой стороны, это связано с трагической судьбой немецкого народа, вынужденного

в 1941 году покинуть свою родину. Дом в сознании писателя ассоциируется с родиной, отчим краем. Автор подчёркивает, что цель жизненного пути каждого человека заключается в обретении им собственного дома. Для главного героя романа «Дом скитальца» немецкого врача Давида Эрлиха, депортированного в казахский аул, дом выступает как жилище, кров человека; своеобразный символ родины; отражение своего душевного состояния, возвращение собственного «я»: «Мечется немец по всему свету, везде он пускает или, точнее, стремится пустить корни, обосновывается крепко, обустраивается, строит свой дом, но всё равно – это не его земля, всё равно он точно чужеземец, изгой, странник, и дом его, где бы он не стоял, – дом скитальца, который у него каким-то фатальным образом непременно стремятся отобрать» [8, с. 205].

Бывший казахстанец, ныне немецкий поэт Александр Шмидт в стихотворении «Родина» пишет: «Здесь всегда / Быть или не быть. / И где не копни/ – Череп бедного Йорика». Тот же Давид Эрлих, герой «Дома скитальца» приходит к выводу, что «человек не должен терять чувство *Родины*. Но и изгоем жить всю жизнь недостойно. У каждого человека должно быть своё место на земле. И нет чужой земли. Надо быть благодарным земле, где живёшь, и тогда она тебя отблагодарит, сторицей воздаст» [8, с. 322]. В конце романа «Дом скитальца» жители всем аулом в Кызыл-ту возводят врачу-спецпереселенцу, ставшему родным и близким человеком для казахов, дом – символ завершения его скитальческого пути.

«Родина во всех моих произведениях – основополагающая тема. Не тема – суть моего бытия. Боль. Творческое кредо. Основа. То, что немцы называют штандпункт», – пишет Г. Бельгер. Поэтому герои его книг и очерков, как и сам автор, *депортированные и ссыльные немцы, люди искалеченной судьбы, взрослые и малые, постоянно и настойчиво рассуждают на тему: что такое родина, где наша родина, есть ли у нас вообще родина? Или мы вечные скитальцы, изгои, бездомные, неприкаянные на этой земле?»* [20, с. 14]. О теме *родины*, ставшей одной из главных в его творчестве, писатель говорил и в интервью с Е. Брусиловской «Я покорен красотой казахского языка» [23].

В своих книгах, статьях, многочисленных выступлениях, как отмечают многие современные исследователи, он пытался найти ответы на такие «вечные шекспировские» вопросы. Более 70 лет из своих 80-ти Герольд Бельгер прожил на земле Казахстана: «Мне ещё не было полных 7 лет, как я очутился в казахском ауле на берегу Есиля – Ишима. С того времени и начинается отсчёт моей сознательной жизни. Река Есиль, прибрежный тугай, перелески, берёзовые колки, ковыльная степь, бураны и ливни благодатного северного Казахстана я воспринял как родное, как нечто изначальное. Они вошли в моё сознание, в мою плоть. Вся моя жизнь, творчество, думы, дела, надежды связаны с Казахстаном» [20, с. 12]. Не раз предаваясь размышлениям о судьбе родины, он пришёл к такому мнению: «К великому сожалению, чувство родины, чувство привязанности к родной земле ныне приглушается,

притупляется, разжижается, а то и опошляется. Но без родины, без этого ощущения родины жизнь обесмысливается».

Герольд Бельгер как писатель-очеркист уделял особое внимание творчеству российских авторов немецкого происхождения, выделяя существенную примету нашего времени – взаимоотношения и взаимовлияния разных культур. Вполне естественным является тот факт, что Казахстан в их творчестве самым определённым образом ассоциируется с всеобъемлющей темой Родины.

Писатель много времени и сил уделял изучению творчества российских немцев, скурпулезно вычитывая их очерки, статьи, рассказы, повести и воспоминания о родной земле. В этих разножанровых произведениях *Родина* предстает перед читателями чаще всего неожиданно обретенным местом проживания, на которой они казались не по своей воле, но одинаково бесконечно любимой и родной. Многие из авторов в настоящее время проживают на своей исторической родине в Германии, но душа и сердце их навсегда принадлежат казахской (или узбекской) земле, дружелюбно и бескорыстно сразу принявшей и полюбившей неожиданно ставших скитальцами людей. И они ответили ей благодарной памятью и любовью, созвучной мыслям и настроению самого Бельгера, связанного с ними общей памятью, жизнью и судьбой.

«*Моя Родина* – где родители мои жили, где когда-то стояла моя колыбель», – пишет о Казахстане Давид Лёвен. «Лишь одну свою *землю родную* человек может крепко любить», – утверждает А. Бретман. Описав немалые мытарства, выпавшие на его долю «в суровые дни ненастья», В. Гердт признаётся: «*Родина* сердце мне согревала»... Карл Вельц восклицает: «Я знаю, что высоким счастьем жизни тебе обязан, *Родина* моя!» [3].

«Тема *родины* в широком, эпически развёрнутом плане, в диалектическом отражении времени и действительности, убедительно звучит в лучших произведениях советской немецкой прозы. Вспомним исторические повествования Д. Гольмана «Разбитые оковы» и «Осенняя буря и дыхание весны», романы «Завоёванная земля» В. Клейна, «Ураган» А. Закса, «Туман» А. Дебольского и многие другие, отразившие судьбу советских немцев нескольких поколений».

«...Разумеется, и тема эмиграции, драматически обостряющая понятие и чувство *родины*, не может не волновать советских немецких литераторов. Одним из первых довольно остро и убедительно коснулся её А. Закс в пьесе «Фридрих Бауэр и его семья» [3].

«Повесть Нелли Ваккер «На *этнической родине*» на конкретных человеческих судьбах развенчивает «прелести» и «благоденствие» общества потребления, психологически раскрывая тяжкий разлад в душе, разрушение личности, происходящие в советском немце в незнакомой, чуждой его воспитанию и миропониманию среде», – отмечал Герольд Бельгер, обращаясь к их прозе с большим вниманием и интересом [21].

«Что значит *родина*? Место, где у тебя есть прошлое, настоящее и будущее. Жить только настоящим, только в настоящем – значит жить *не на*

родине, жить вне родины. Собственно, у кого есть родина, тот и народ. Остальные – население» [3].

Писатель отмечает: «Размышляя о *Родине* и причудливых человеческих судьбах, лирический герой моей повести «Завтра будет солнце» делится своими сокровенными, как исповедь, думами: «И такая тебе тогда открылась истина, что у каждого человека, помимо большой *Родины*, непременно должна быть *родина малая*, свой *родной край*, свой заветный уголок на земле, своё поле, свой лесок, своё укромное местечко на берегу тихой речки, свой – на худой конец – любимый кустик возле *отчего дома*. Каждый, кто вольно или невольно скитается или вынужден скитаться по земле, оставляет незаметно то здесь, то там частицу своей души, понемногу растрчивает, обкрадывает себя и превращается в перекати-поле, гонимое ветром» [3, с. 42].

Герольд Бельгер устами своего лирического героя передаёт собственные рассуждения о родине: «Несчастен тот, кто не помнит своего *родного места*, своей земли, но трижды несчастен тот, кого не помнит уже сама земля. Ибо она, земля, как твоя родная мать, – последняя твоя надежда в жизни, и если уж она предаст тебя забвению, то ты уже и не человек вовсе, а тлен, прах... Да, тлен, прах...». Нередко одновременно с понятием *родины* в его произведениях приводится и понятие *отчизна*: «О России, о новой, *истинной родине* своей думали «русские» немцы, сражаясь в русском стане против полчищ «кайзера» Наполеона. О новой России мечтали лучшие представители «русских» немцев, участвуя с оружием в руках в русских революциях, в штурме Зимнего. За честь, достоинство и славу *Родины* своей боролись советские немцы и в гражданскую войну, и в годы социалистического строительства, и на войне с гитлеровским фашизмом на передовой фронта, и в глубоком тылу на ответственных участках трудовой армии. Во славу советской многонациональной *отчизны* трудились и трудятся всё новые и новые поколения советских немцев, поднимая целинные земли, осваивая Голодную степь, активно участвуя в строительстве коммунистического общества» [3].

В своих художественных и публицистических произведениях, критических статьях, многочисленных рецензиях Герольд Бельгер использует различные синонимы к понятию *родины*, чаще всего представленные именем существительным.

Родина, край родной, родимая сторонушка, эль – так ласково и пронзительно грустно называют родные места его многочисленные герои – не важно, русские они, немцы или казахи – они навсегда кровными узами связаны с этими дорогими их сердцу местами: «Так что же получается? Выходит, у меня нет *родимой сторонушки*?»; «Как куда? Он еще спрашивает! Не знаешь, что у меня нынче юбилей? Забыл, что твоему другу стукнуло пятьдесят?! Не помнишь, что *родина моя, мой эль* жаждет чествовать меня – своего сына, своего джигита, своего азамата, своего сокола?! Вот и едем в родные аулы, туда, где пуп резан, понимаешь?... *Край родной* – золотая колыбель!» [10, с. 16].

«Когда-то, на Волге, а потом и в ауле на берегу Есиля, пока мы, я и мои сёстры, не разбрелись, не разлетелись кто куда по разным *краям-сторонушкам*, мы в семье говорили преимущественно по-немецки, на нашем старинном, родном диалекте, и это было так естественно, как нечто само собой разумеющееся» [10, с. 237].

Автор не раз подчёркивает, насколько дорогим и необходимым, как глоток воздуха или воды, было для представителей его поколения понятие *родины*, родного уголка земли, без которой нет жизни, нет покоя, нет свободы. Это чувство *родины*, всеобщего единения, помогало им выстоять в трудные периоды жизни и обрести своё место на земле: «... Это ведь был другой мир, другая жизнь, и люди были совсем другие, лучше или хуже – не о том речь, просто другие, о которых ни малейшего, можно сказать, представления не имеют её внуки и правнуки, обитающие ныне в другом краю, на другой земле, в другой стране, даже, может, на другой планете» [10].

О бесконечных скитаниях, напрасных надеждах и поисках *родины* он писал всю свою жизнь, ей посвящал мечты и порой напрасные хлопоты российских и казахстанских немцев, метавшихся в погоне за правдой: «Э, всё видят, всё слушат, всё чувствуют и потому шарахаются кто куда, *из края в край*, с места на место, в поисках *пристанища* на нескончаемой земле. Но кто кого ждёт, где она, *обетованная земля* или пресловутая *историческая родина* для сбившегося с толку на исторических ухабах бедного люда?» [10, с. 253]. Иногда автор использовал сложные существительные для обозначения родной земли: *край-опора*, *край-защита*, *край-отрада*, *край-сторонушка*, довольно часто в своих произведениях он писал: *моя земля*, *моя страна*, *земля моей чести*, *земля моей совести*, *моя обитель*, подчёркивая с помощью притяжательных местоимений 1 лица высокое нравственное значение, которое он придавал понятию родины или продолжал данный ряд с усилением: «... *Моя Родина*. Неизбывная. Вечная. Как человек. Как любовь. Как жизнь» [3].

С большой любовью и уважением, как истинный казах, он выделял как одно из главных качеств народа, как своеобразный критерий – отношение к родной земле: «Казах говорит: «*мой эль*», «что обо мне *мой эль* скажет» и так далее. И означает это: мой аул и его окружение, край моих предков, моя *малая родина*, место, где капнула первая капля крови от моей пуповины, *край-опора*, *край-защита*, *край-отрада*, *земля моей чести*, *моей совести*, люди, живущие на этой земле, где каждый друг перед другом в ответе, где издревле, может, даже с незапамятных времен один за всех и все за одного» [10, с. 12].

Часто в своих произведениях писатель обращался и к устойчивым словосочетаниям: *родной край*, *отчий дом*, *родимая сторонушка*, *родной эль*, *отчий край*, *кровный эль*, *малая родина*: «Я был ошеломлен натиском Нукена и начал сбивчиво объяснять ему, что – увы! – не могу сейчас составить ему компанию, ну, никак не могу, хотя, конечно, отлично понимаю, как это соблазнительно, тронут оказанной честью, как же, как же, это большая радость – сопровождать товарища, коллегу, да еще такого, в его поездке *по родному краю*, увидеть *его эль*, его род, но что поделаешь, недосуг сейчас, в кои века выбрался вот наконец к брату, которого никогда не видел, а там

будут и другие родственники, среди них и пожилые, дряхлые, вряд ли когда еще увижу, не могу, прости, извини, пойми...».

«– Э, ладно... Оставь... Никуда брат не денется. Потом на обратном пути сам доставлю, на райкомовских вороных прикачу, а сейчас айда со мной, юбилей все-таки, торжество, понимаешь, *родной эль*, а тебя ведь не *родной край* ждет, а так, кое-какие родичи, в любое время поедешь, что там, ну, зарубят для тебя петушка, или индюка в лучшем случае, квашеной капустой да кислым самодельным винцом угостят, ну что это, сам посуди, по сравнению со свежей бараньей печенкой, с курдючным салом, с казы? Давай, поехали!» [10, с. 10-11].

«Пройдёт ещё, быть может, десяток лет и не останется на земле ни одного человека, который помнил бы Мангейм, *отчий край*, где некогда бурлила жизнь, превращённый в пепелище, в прах в угоду подлой и трижды проклятой политики ничтожных ублюдков, возомнивших себя вершителями людских судеб» [10, с. 242].

«Старый аульный мугаллим Мамбет Адиллов в последнее время не находил себе места. Со дня на день ему предстояло покинуть *родной аул*, и, по всему виду, навсегда. Это его тревожило и тяготило. Шутка ли – оставлять на веки вечные *родной край*, *родимую сторонушку*... Здесь он увидел впервые белый свет, здесь был его пуп резан, отсюда ушел на войну, сюда же возвратился, изрядно помятый, израненный, здесь долгие годы учительствовал в местной начальной школе, женился, похоронил жену, тихую, безответную Зуру, и теперь, на восьмом десятке жизни, надо было все бросить и уехать к сыну в далекий большой город, который и манил, и пугал.

Что поделаешь? Мало ли кто в наше смутное время покидает *отчий край*?» [25, с. 14-15].

«Насильственно оманкуртизированный народ, понятно, плохо помнит свою родословную. Многие из российских немцев не то, что далеких предков, родителей толком не знают. У них отняли не только *родину* («малую» – в 1941 году, большую – ровно полвека спустя), но и язык, нравы и обычаи, национальный менталитет, даже национальность и фамилию».

«Так и мыкался на чужбине хуже собаки, пока не освободили его из плена американцы. Советских военнопленных тут же отправили *на родину*, а там они как изменники оказались в сталинском концлагере.

Таким образом, волжанин Унгефуг избежал советского концлагеря и остался в разрушенной Германии. Да и где теперь его *родная сторонушка*? Казахстан и Сибирь он знал лишь понаслышке, даже представить их себе не мог.

Мало ли на свете одиноких, неприкаянных горемык, лишившихся по злой воле *родины* и в горестях и муках коротающих свой куцый век?» [10].

«...Полвека мы с тобой, мой старейший друг, прожили на чужбине. Прошли через изгнание, страдание, трудармию. Но *на родине*, на Волге, нет нам места. И тоже навсегда. Обрывались воспоминания обычно сорок первым годом. На этом кончился первый этап их – Давида и Эмилии – долгой жизни. Может, самый памятный, счастливый. Тот отрезок жизни в их беседах

обозначался коротко: «тогда», «на родине», «дома». Второй этап всецело связывался с Казахстаном. Так и говорили: «Там, в Казахстане». А третий отрезок их бытия именовался: «Здесь, в Ташкенте» [10].

«Грустно кончилось долгожданное свидание с *родиной*. Впрочем, как и все на свете. Может, и не надо было вовсе приезжать? Может, и сына Гарри напрасно только оторвал от дела? Видно, печальное свидание с детством взбаламутило и душу сына. А что он, старый Давид, скажет своей Эмилии? Что испытает она после его неутешных рассказов? Да и про что он расскажет ей? Про выморочное поле? Про обломок школьной стены? Про суслика возле чахлах акаций?» [10].

«Другая часть уповает на консолидацию сил, имея, прежде всего в виду тех, кто остается. Отсюда и весь сыр-бор. Задачи и цели разные. Следовательно, не грызться, не – извините – собачиться между собой надо, милые мои детки, а одним заботиться о тех, кто продолжает связывать свою судьбу с Россией, а другим – упорядочить, налаживать человеческий выезд тем, кто покидает страну. Ибо нельзя допустить, чтобы люди уезжали с неприязнью к бывшей *родине* и с раздражением на сердце. И все! Проще простого!

Ему захотелось выступить со съездовской трибуны, рассказать о своей поездке в несуществующий уже Манхайм, о любимом внуке-афганце, который несколько дней назад покинул *родину*, обратиться к тому хмурому пикетчику и его единомышленникам и сказать просто, по-доброму: Слушай, русский брат мой! Почему ты против меня? Только потому, что я – немец?

...Выходит, ты решаешь, можно ли меня пускать в мой дом или нет? Так кто ты такой? Я твой вассал, что ли? Или пленник? Или я должен расплачиваться за то, что мои далекие предки некогда прибыли сюда, отозвавшись на зов и посулы русской царицы, и вдохнули жизнь в эти богом забытые, пустынные *края*, щедро орошая эти мертвые земли своим потом и кровью? Этот *край* облагородили мои предки, мои соплеменники. А теперь, по-твоему, я пришелец, а ты – коренной? Ты решаешь мою судьбу?» [26].

«Христьян вычленил из этих стихов лишь две строки, которые проборматывал без конца: «*Край*, где рос ты, и дом, где жил, своей *родиной* не зови»... Где он, тот *край*, где он рос? И где остался тот дом, где жил?.. Всё рухнуло в небытие, всё разрушено, всё в невозвратном. *Родиной* не зови... не зови... не зови... Именно эти слова проникали в затаенную глубь сознания, огнем обжигали все его существо.

А вот слова про *край*, где рос, про дом, где жил, про отнятую *родину* причиняли такую невыразимую боль, от которой могла избавить, пожалуй, только смерть» [8, с. 139].

«Гарри... пытался взглянуть на проклятый вопрос соплеменников со стороны, с высоты Эйфелевой башни, где казахстанская делегация проводила прощальный ужин перед возвращением на родину» [26, с. 281]. «Наши советские немцы были в годы войны не только трудармейцами в сталинских лагерях смерти, но и искренне защищали с оружием в руках свою *малую Родину*» [26, с. 303].

«Меня подмывало спросить Хайнриха, какой *край*, в котором приходилось ему подолгу жить, кажется ему теперь милей, родней, к какой земле он чувствует на склоне лет большую привязанность, однако спохватился, передумал, не спросил. И так все ясно: Березовка для Хайнриха ныне больше, чем место жительства. Здесь, думаю, за четверть века он успел обрести некое душевное равновесие. А это так важно, едва ли не самое главное: человек не должен быть переселенцем на земле, не должен чувствовать себя временным поселенцем. ...И, может, именно это имел в виду немногословный Хайнрих, когда спросил неожиданно: «Хорошо, не правда ли?»»

Хорошо, брат мой! Конечно, хорошо! Земля всегда хороша и благословенна. В изломанных людских судьбах она не виновата.

И, понимаете, всю дорогу пели. И сердце заходило от радости. Восемь машин зерна сдали тогда *родине*. Одна лишь семья!» [10].

«Значит, не судьба лежать мне в этой земле..., – тихо проговорил старец Давид и расчувствовался до слёз, вспомнив, что никому из тех, кто был выселен отсюда осенью сорок первого года, ни-ко-му, даже тогдашним младенцам так и не суждено было вернуться в *родимый край*...». «– Сандер, – ласково перебила внука бабушка Эмилия. – Но ты же здесь, в Ташкенте, родился. *Край-то* твой здесь. А им, Давиду и Эмили, старой, верной спутнице, изгнанным *из родных мест*, теперь уже, видно, суждено лежать в узбекской земле. Неужто так на роду было написано?..».

«Следовательно, не грызться, не – извините – собачиться между собой надо, милые мои детки, а одним заботиться о тех, кто продолжает связывать свою судьбу с Россией, а другим – упорядочить, налаживать человеческий выезд тем, кто покидает страну. Ибо нельзя допустить, чтобы люди уезжали с неприязнью к бывшей *родине* и с раздражением на сердце. И всё! Проще простого!

Бог с ним, с имуществом. Плохо, что нельзя возвращаться в *родные места*. И Хайнрих впервые всерьёз задумался: «Где обосноваться? Где пустить корни»? Ибо у него есть корни, и никакая чёрная буря не может его сорвать и погнать по земле, точно куст перекасти-поля, находящий себе пристанище в каком-нибудь овраге, где и суждено ему сгнить, истлеть.

Хайнрих не знал ничего ни о *родном крае*, ни о судьбе родных и близких; поезд монотонно стуча колёсами, мчал его всё дальше и дальше на восток, в неведомое, и уже на станции Полуночное, встретив земляков, Хайнрих услышал такое, во что не мог верить здравый рассудок.

Вот и стекаются теперь к Хайнриху со всех сторон необъятной нашей *родины* двоюродные, троюродные братья и сестры, дядья, тети, племянники, внуки, зятья, снохи, свояченицы и золовки, свояки и шурины, сваты и свахи и даже такие, чьи родственные отношения к давным-давно истлевшим в земле родителям Хайнриха определится становится почти невозможным. Всех, всех без исключения радушно привечает, однако, Хайнрих со своей Эмилией. И неназойливо, без нудных назиданий исподволь внушает всем простые истины

о святости родственных чувств, об единстве, человеческой близости, любви, доверии, долге» [10].

«И кто в состоянии ответить, сколько ему мыкаться в этом *краю*, как выброшенному в одночасье житейской волной на неведомый остров? В чьей воле его нескладная судьба? И может ли он сам своим усилием, своей волей что-либо изменить в этих несуразно сложившихся обстоятельствах? Ответа не было. А вопросы только множились, дробились, роились, как микробы в капле воды под микроскопом».

«Стоял завкандздравом, уполномоченный партии по выселению немцев Поволжья на обочине просёлочной дороги один-одинёшенек, как столб, усталый, измученный, пыльный и растерянно глядел вслед своим соплеменникам, уходившим в неизвестность, в никуда. Люди молчали, покорные судьбе, и подсознательно чувствовалось, что прощаются со своим прошлым, со своей *малой родиной* навсегда, на веки вечные. Они ехали и шли в сторону станции Плёс, точно на Голгофу» [8].

«Следует помнить, что двенадцать миллионов изгнанных и беженцев пережили жутчайшую трагедию и обрели в Германии *родину*. Представляешь, двенадцать миллионов! Почти весь Казахстан!» [26, с. 228].

Нередко Герольд Бельгер связывает *родину* с *домом* и *гнездом*, сопоставляя их как самые необходимые для каждого человека понятия своего присутствия на земле, дающие чувство спокойствия, смысла и какой-то определённости в жизни. Есть дом, есть гнездо – значит, это и есть твое место, это и есть твоя родина. Всегда есть куда вернуться, если ты ненадолго покинул дом свой, свое гнездо, и нужно их беречь, ценить, любить. Российских немцев-спецпереселенцев, в одночасье лишившихся своей родины, своей земли, в своих произведениях он называл «выпавшими из гнезда».

«Где мой *Дом?*», «Где моё *Гнездо?*» [26, с. 390]. «Я вечный пилигрим, изгнанник, лишённый *родного очага* в хрупком детском возрасте, насильно отлученный от могил предков...» [26, с. 391]; «... быть равноправным, чувствовать себя везде и всюду Человеком на своей земле, в своём *Дому*, в своём *Гнезде*» [26, с. 394]. «Вечный зов – как неумный поиск святого Грааля – влечёт, манит твою память: берегите своё *Гнездо* и *Дом свой*» [26, с. 395]. «Мы выпали из истории, как желторотый птенец из гнезда. Кто сгинул, кто уцелел, выжил, а *гнезда родного* нет. К *чужому гнезду* не прилепишься. А пристроишься – так разве что с краешка. Неуютно, ненадежно. Чуть что – вновь вылетел. И опять карабкайся, продирайся сквозь чащобы мытарств и лишений» [26].

У писателя концепт *родина* иногда оказывается тесно связанным с концептом *дом* в значении *дом-бездомье*. Это связано с обращением к образам главных героев немецкого происхождения волею судьбы ставших спецпереселенцами на своей, как они считали, русской родине. Мотив бездомья для них ассоциировался с содержанием многих песен и пословиц о родине, звучащих на немецком языке. Тема дома также трагически связана с

темой скитальчества, вечного странствования по свету в поисках желанного пристанища.

В уста одного из героев своего романа «Дом скитальца» Христьяна Г. Бельгер вкладывает взволнованные слова о родине: «...Тоска *по родине*, по *родному дому*, невозможность иметь *родину*, вынужденное странствие по белому свету, неприкаянность, неизбывная тяга к *родному очагу*, одинокая судьба вечного скитальца, трагизм чувства *бездомья* – самый распространенный, душераздирающий мотив немецких песен. Мечется немец по всему свету, везде он пускает или, точнее, стремится пустить корни, обосновывается крепко, обустраивается, строит *дом*, но все равно это не его земля, все равно он точно чужеземец, изгой, странник, и *дом* его, где бы он ни стоял, – *дом скитальца*, который у него каким-то фатальным образом непременно норовят отобрать» [8, с. 205].

В своих рассуждениях автор пытается определить точное место, откуда начинается, а быть может, продолжается и заканчивается его родина, стоит ли продолжать дальнейшие поиски или необходимо решить для себя раз и навсегда: «...капля крови от моей пуповины; место, где у тебя есть прошлое, настоящее и будущее. Жить только настоящим, только в настоящем – значит жить *не на родине*, жить *вне родины*... Мне нравится этот огромный пестроликий город (Ташкент), исстари прозванный хлебным, у меня там много друзей, знакомых, я радуюсь *отчому дому*, сохранившему запахи моего детства, бываю я там охотно и часто, но элем назвать его не могу, ибо не там родился, не там вырос, не там даже пригодился» [10, с. 12; 16].

Нередко в его разножанровых произведениях проскальзывают слова «*обитель*», «*приют*», которые могут появляться одновременно в значении *дом*, *край* в одном ряду с ними с использованием притяжательных местоимений: «Эй, хорошо получилось! Прекрасно! Кстати! Лучше быть не может! Просто тамаша! Аллах видит, тамаша! Поедешь со мной! Увидишь *мой край! Мой эль! Мою обитель! Моих родных! Моих земляков!*» [10, с. 9].

«И вот теперь предстала она передо мной, вобравшая в себя столько судеб, столько жизней, немалый отрезок истории, *приют* некогда сырых и обездоленных, а теперь *благодатная обитель*, каких много, просто не счесть всюду в нашей стране, и на севере, и на юге, и на западе и востоке, современная центральная усадьба со всем тем, что окружает нынешнего сельского человека, украшает его жизнь, его суть, его повседневное бытование» [10, с. 33].

Иногда неожиданно возвышенно звучащее *обитель* сменяется на простое *обиталище*, как место временного вынужденного пристанища или вынужденной остановки, которое не может заменить в душе и сердце героя любимой утраченной родины: «Место жительства – не эль, не колыбель, не *обитель*, а *обиталище*» [10, с. 16].

Согласно И.Б. Левонтиной, *обитель* имеет следующие значения: *пристанище*, *приют* – 1) угол; 2) кров, крыша над головой; 3) обиталище, обитель.

Автор использует в своём творчестве данное слово во всех значениях, представленных в словаре.

Герольд Бельгер часто использовал языковые вкрапления для обозначения родины: *родной край, ель, тузан жер, Heimatland, хайматорт, Deuschtum, Deutschland, чувство родины – хайматгефюль*.

В рассказе «Там, в долине» Г. Бельгер писал так: «Вспомнилось мне стихотворение в старом менонитском журнале, который показал мне Вильгельм Артурович. Оно называлось «Хаймат» («Родина») и было подписано: «Е.Е.Е.». Автор стихотворения трогательно, проникновенно описывал осеннюю степь, милый сердцу российский край, в котором он вырос, и с неподдельной болью, горечью говорил о тех своих соплеменниках, лишенных *чувства родины («хайматгефюль»)* и ради неведомых благ покидающих ее, уезжающих в далекую Америку. Как свежо, как современно звучит это стихотворение неизвестного автора! У Вильгельма Артуровича, читавшего его мне, вдруг дрогнул голос, слезы навернулись на его глаза, он судорожно повел кадыком и с трудом произнес последние две строки:

Но дорога мне навеки родина моя,

Здесь я желаю однажды быть погребённым...

Вот оно то, единственное, сокровенное, что выше всяких соблазнов, всяких благ, всяких шкурных интересов. Вот оно, *чувство родины, хайматгефюль*, единственный нравственный стержень, благодаря чему человек ощущает себя и остается человеком». «Родину себе не выбирают, начиная видеть и дышать...» [10, с. 66].

«Здесь, в долине, в Березовке и далеко вокруг в ее окрестностях, живут многие мои соплеменники, и многие успели пустить тут глубокие корни, ибо родились здесь, и выросло здесь не одно, а два-три и более поколения, и значит, для них это и есть *родной эль, хайматорт, малая родина*, и уже многие из потомков бывших поселенцев или спецпереселенцев теперь вправе говорить: «*моя земля*», «*мой край*» [10, с. 34].

Для исторической родины Германии он использовал следующие понятия: *прародина, родина предков, этническая родина, историческая родина* или неожиданное сочетание *родина-чужбина*, подбирал синонимы к слову *чужой*: *чужбина – неведомые края, тот край, немецкий рай, те края, временное обиталище (пристаннице), другие берега, земля предков, неведомая чужбина, край предков*.

«Сердце учащенно колотилось. Тошнотная слабость подкатывала к горлу. Мысли мешались. Ноги стали ватными. Ломило в пояснице. Ну, куда, куда, куда он летит? Зачем, зачем, зачем? Кто его гонит с насиженного места? Что он там, в далекой и чужой ему Германии, потерял? Кто его там ждет? Племянницы-пензионерки или их детки-полукровки – седьмая вода на киселе? Какая нужда заставила его на старости лет податься в чужие *края*, именуемые *прародиной*? Ответа не было» [25, с. 208].

«О, да, не о *Deutschland* думалось Гарри в одинокой ночи на балконе, какое ему дело было до этой страны, *страны неведомых предков*, он её никак не ощущал, хотя в газетах и писали о ней, как об *этнической родине*, думалось

исключительно о российских немцах, о соплеменниках, которых с 1929 года стали называть в печати «советдойче», о том близком, кровном народе, разбросанном по всей российской державе, как мириады звёзд на ночном небосклоне [26, с. 213]. «Задумывались. Говорили: «Так-то так. Но вы в любое время можете уезжать *на родину предков*. Вам есть куда уезжать. А куда податься бедному казаху? У каждого была своя печаль» [26, с. 315].

«Всё больше российских немцев связывали свою дальнейшую судьбу с *родиной предков*. И опять немцы оказались на распутье» [26, с. 251]. «Часть немцев и вовсе была равнодушна ко всей автономистской возне и приезжала в Москву под шумок, чтобы попоколачиваться возле Германского посольства, заполнять антраги и похлопотать о выезде на *родину предков*» [26, с. 318]. «Она почему-то полагала, что образованный, знающий их сородич Гарри одним из первых подастся на *родину предков* и потащит за собой всю родню» [26, с. 361].

Нередко слово *родина* переключается, чередуется с понятием *чужбина*, выступая в тексте как антоним: «Кто знает, когда ещё выпадет случай навестить их; может, уже не суждено ему вернуться сюда из *неведомой чужбины*» [25].

Страна неведомых предков – неведомая чужбина – страшит неизвестностью, загадочностью его постаревших героев, которые сами не понимают, куда и зачем влечёт их на склоне жизни чувство родины, неизбывной тоски и неопределённости. Они не уверены, принесёт ли им это свидание с *этнической родиной, родиной предков* долгожданное спокойствие, умиротворённость, или так и останутся они вечными скитальцами в постоянных поисках родной земли.

«Жить одному в осиротевшем, хиреющем изо дня в день ауле становится невмоготу и бессмысленно. Старость драной кошкой неожиданно запрыгнула на плечи и нещадно придавливала своей глухой тяжестью к земле. Может, там, на новом месте, у сына, снохи и внуков, удастся встрепенуться и наполнить оставшуюся жизнь каким-то смыслом, избавиться от гнетущего, иссушающего душу одиночества... Ай, вряд ли... Не было еще такого, чтобы на склоне лет человеку *на чужбине* было хорошо» [25, с. 14-15].

«Рысбек не знал, что и сказать. Еще больше согнулся, потер вспотевшие ладони. Он помнил, что власть не жалуется тех, у кого родственники за кордоном. Недолюбливает и тех немцев, кто норовит выехать на *родину предков* или получает оттуда посылки» [9, с. 175]. «Как бы там ни было, а долг свой он выполнил. *Родной край* – хоть и поруганный, в прах истолченный – он посетил. Внука, которого считал своей опорой, проводил *на чужбину*. И на съезде, который – надеялись – решит судьбу единокровников, побывал» [10]. «Кто знает, когда ещё выпадет случай навестить их; может, уже не суждено ему вернуться сюда из *неведомой чужбины*» [8, с. 85].

Иногда у него звучит грустная ирония в использовании слова *родина*: «В Германии сложнее. Был в Бишкеке на семинаре, оттуда и заехал *родные пенаты* проведать...» [26, с. 225] или «*крохотный немецкий островок* на краю аула Туяк су» [26, с. 231], иногда даже встречается такое определение:

«Вроде как *временное пристанище*, дом скитальца, и его рано или поздно всё же отберут» [26, с. 206]. «Объяснять надо было долго. И всё равно всем всё не объяснишь. ... Где *обиталище* российского немца? А должно быть у него *пристанище?!*» [26, с. 315].

Боль, обида, отчаяние звучат в словах разочарованных итогами съезда немцев – героев публицистических произведений автора. Они не чувствуют себя родными на этой земле, но и куда им идти, тоже не знают. Писатель подбирает точное для описания состояния их потерянности, неустроенности, жизненных метаний слово *пасынки* или просто использует холодно-равнодушное *уроженцы этого края*. Подавленные произошедшим, они готовы бежать из этой страны, внезапно ставшей им чужой и предавшей их надежды на будущее отделение и самостоятельность: «– Не нужны мы России. Мы – *пасынки*. Тикать надо. – Куда? Германии ты тоже особенно не нужен. Она и узкую калитку скоро закроет. – И останемся мы у разбитого корыта» [26, с. 346].

Его герои предаются долгим размышлениям о том, где же их родина, доведётся ли им снова вернуться в тот край, где похоронены их предки, где они сами появились на свет и счастливо жили до начала событий Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: «Доведётся ли когда-нибудь ещё посетить этот край? «Вновь я посетил тот уголок земли». Тот уголок земли, где я провёл изгнанником... Что ему этот край, этот уголок земли? Место изгнания? Место ссылки? *Временное пристанище? Край родной? Малая родина?* Место, где навеки покоятся родители? Ни то, ни другое, ни третье. Или, наоборот, и то, и другое, и третье».

Их беспрестанно мучают вопросы о том, кто они теперь своей ставшей вдруг чужой земле, долго ли им придётся неприкаянными скитаться по свету никому ненужными, богом забытыми *скитальцами, незванными пришельцами*. Самым страшным для них является внезапное осознание того, что они теперь просто люди *без родины*: «*И кто он этому краю, этому уголку земли? Пришелец? Божий гость? Случайный прохожий? Гражданин? Сын? Или субъект, которого следует напоследок ограбить?* Трудно сказать. И где его *родина, уроженца* России, жителя Казахстана, гражданина Германии – Эдмунда Ворма? Но ему, Эдмунду Ворму, Германия *родиной* не стала. Она стала ему местом постоянного жительства. И только. *Родиной* она станет его внукам. Возможно. Так кто же он, спецпереселенец, потом – поздний возвращенец Эдмунд Ворм? *Человек без родины? Скиталец* с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...» [24, с. 233-234].

А если у человека не стало родины, значит, нет у него теперь ни памяти, ни судьбы, ни настоящей жизни, и остаётся один выход – возвращаться на так называемую *историческую родину*, которую они совсем не знают, на которой их никто не ждёт.

Бывшие спецпереселенцы, изгнанники, сполна познавшие все тяготы жизни, всю нескладицу судьбы, они надеялись, что, может быть, там, в богатой, неведомой, *Дойчланд*, их ждёт новая, ухоженная и упорядоченная

жизнь, прежде всего для своих детей и внуков. В глубине души они понимали, что там никому не нужны и вряд ли найдут успокоение в своей душе, каким бы налаженным и комфортным не был их быт, а земля предков так и останется для них холодной и бездушной мачехой.

«Понимаю, понимаю... *Земля предков. Фатерлянд*. Через полчаса вступите на землю, откуда-то уезжали неведомые предки» [25, с. 144]. Вот они, *другие берега*, – подумал Карл» [25, с. 148].

Отношение к Германии у самого автора и у его героев нередко противоречивое, вызванное чувством страха и любви одновременно к неведомой, пока чуждой, но всё-таки желанной, родине. Они не совсем уверены в том, нужно ли им это, ждёт ли их кто в «земле обетованной», не знают, как она их встретит, что их ждёт на родине предков, обретут ли они Германии надежду, счастье и покой, или желание обрести родину призрачно и обманчиво, никто их там не ждёт («*Здесь – не нужны, там – невозможны*», – подобно строкам Марины Цветаевой охватывало их чувство неизвестности и страха): «Но кто кого ждет, где она, *обетованная земля* или пресловутая *историческая родина* для сбившегося с толку на исторических ухабах бедного люда?» [10, с. 253]. «Исключено...не чувствую Германию своей *этнической родиной*. И уезжать не могу, и оставаться тяжело. – Это так... Ты прав... И там, сказывают, не больно мы нужны» [10, с. 198]. «Как я могу жить в Германии, с которой меня ничего не связывает? – недоумевал Карл. – Ну, какая же она *историческая родина*? Ни я, ни отец, ни дед, ни прадед, прапрадед там сроду не жили. Российский немец – я еще могу понять. Там мои предки обитали. Оттуда меня выслали, изгнали, вытурили. Казахстанский немец – тоже понятно. Здесь прожил жизнь, пахал землю, построил дом, вырастил детей. Но германский немец – с какой стати? Сроду им не стану. И никакая она не *этническая родина*. *Чужбина*. Нет, нет. Найн!» [25, с. 21]. «...Заведенный уклад, но однажды высказалась в том духе, что *родина* для женщины там, где ее дети, где ее детям хорошо. И Карл понял, что червь сомнения постоянно грызет душу тихой Марии. «Ну и где твои дети? Где твоим детям хорошо?!» – вскинулся Карл. Мария промолчала, вздохнула только. Она чувствовала: ни в России, ни в Германии детям не больно хорошо. И неизвестно, когда у них жизнь наладится. Но понимала: и в ауле молодым делать стало нечего. Одни слоняются без дела, другие мыкаются в городах» [25, с. 21]. «Мы там, в Германии, на *родине предков*, за это время точно десять жизней прожили ... А былой дом наш в этом азиатском захолустье все эти годы стоял сиротой-сиротинушкой, заброшенный, запущенный, лишённый внимания и сострадания» [25, с. 14]. «Казахи уезжают – так с концом, а немцы, смотри-ка, уезжают, а *край*, где жили, не забывают» [25, с. 34]. «Эй, Ганс, что засиделся, *родина-то* зовёт» [25, с. 51]. «Там на этой *исторической родине* ничего хорошего нас не ждёт» [25, с. 56]. «И все им мало, мало! – разразился вдруг снова Хайнрих. – Отгрохали себе хоромы. Добра нажили, натаскали до самого... как его... Армагеддона. Теперь народ сбивают на выезд *на родину*, видишь ли, *предков*, в *Дойчланд*, будто там их ждут молочные реки с кисельными берегами. Дураки! Взбредет одному в башку шальная мысль, и

все за ним. Даешь *родину предков!* Нужны они там!...». «Что же искала, к чему стремилась неумная душа моего друга? Что он нашел там, *на чужбине?* Похоронил отца. Сам погиб. Мать пристроили в дом для престарелых. Сына взяли на воспитание добрые люди. Неужели судьба?» [10]. «Час возвращения на *родину!* – борода Вагнера, казалось, встопорщилась. – На *землю предков!* Оставьте своё удобное гнездо?!»; «По *краю предков* сердце щемит постоянно» [8, с. 322].

Еще большую растерянность им придавали и вызывали обиду и немедленное желание покинуть ставшие родными места следующие реплики других участников съезда: «Прекратить кроить Россию! Где же *родина русских?*» [26, с. 347].

Поэтому Герольд Бельгер, как автор и свидетель описываемых им событий, отмечает внутренние переживания и смятение чувств отчаявшегося народа: «Всё есть, да ничего нет. Нет *чувства родины, родного очага,* ощущения будущего, душевного комфорта, надёжной востребованности, твёрдости духа, гарантий счастья будущих потомков» [26, с. 363]. «Автор сумел просто и доступно высказать всё отчаяние, всю боль, трагедию немца, вынужденного покинуть *Родину*» [26, с. 377].

Особый трагический настрой создается в прозе Бельгера при помощи следующих сочетаний, используемых для описания переменчивых чувств героев, стремящихся на историческую родину, связанных с неизвестностью, неопределённостью, страхом и неустроенностью прежде всего в их мыслях и переживаниях: *чужедальные края, неведомый путь, нескончаемая земля* [25, с. 65; 96; 148].

Особенностью стиля автора является то, что он говорит о Родине как о живом существе, любящем, страдающем, брошенном и забытом, используя для передачи особого, трепетного отношения к ней прилагательные и глаголы. Земля, родина, как и сами люди, покинувшие ее не по своей воле, одинаково мечутся, страдают и не могут избавиться от памяти прошлого, потеря которой для них равносильна предательству, забвению, а то и смерти: «– Потерял, что ли, что-то? – Да, потерял... – Нездешний, видать. А что потерял? – *Родину*» [10, с. 83].

Для писателя характерно также использование просторечия в речи главных героев, которое придает их чувствам и переживаниям особую силу и драматизм, подчеркивает безысходность их состояния и положения в определенные моменты развития сюжета, когда они мечутся по свету в поисках лучшей доли, потеряв родное насиженное место на земле: *мытариться, житьё-бытьё, мерзопакостный, сгинуть, бедный люд, шебуришим, скрипим, доживаем, пришлые, чужаки, шарашились, уразуметь, сикось-накось, нескладица, то бишь, ей-ей, работают тят-ляп, заимела, об этом и не заикайтесь, баста, чудится, мерещится, больно скудно, затрапезный, вырядился, одежонка, паршивый, задрипанный, захудалый, говаривали, напоследок, обобрала, общипала, илэндали, размалёванные, затараторила, запихивала, запропастился, один-одиошенек, волочилась, малец, упорхнула, самый-пресамый, работяга, трудяга, не жилец, нет*

силенок, уразуметь, голытьба деревенская, шантрапа и бестолочь, дармовицинка, тренькал, шкрябать, отъюбилеил и многие другие.

В своих произведениях писатель нередко использует транслитерацию: *шпрехать на «хох-дойч»* [10, с. 94]. «А-гха, майн-альтер, ду бист шон да?!» – воскликнул, вынырнул откуда-то Саша и кинулся обнимать дедушку. – *Дас фройт мих зер!*»; «А я и есть *Ауслендер*. Через *цвай-драй штунден*, считай, *адью, адью, майн Фатерлянд...*» [10, с. 94-95]. «*Найн, найн...* Я домой хочу. До-мой! – хныкал Гарри». «– Все мы, *майн юнге*, хотим домой, – донёсся снизу скрипучий голос старухи Пеннер. – Только где наш дом? И увидим ли мы ещё когда-нибудь? – *Ах, Готт! Либер Хайланд!*» [26, с. 15].

Своеобразным художественным приёмом, особенно успешно применяемым Г. Бельгером в публицистике, являются вкрапления из немецкого языка, которые вводятся в текст на русском языке разными способами: в кириллической и латинской графике; передаются параллельно на трех языках: «Об этом мною написан очерк-эссе «Созвучие. *Үндестік. Gleichklang*»; «Е-е-е, не амал бар? Что поделаешь? *Was ist zu tun?*»; «край родной, любимая сторонущка – туған жер, атамекен – *Heimat, Heimatland*»; «*Muttererde* – материнская земля – жер-ана» [11, с.13].

Следующей особенностью прозы Г. Бельгера является использование в произведениях дву-или трехязычия одновременно с примерами прилагательных и глаголов: «Дворником устроиться не может..., а всё равно город ему подавай. Нелепость! А пишут: «атамекен», «атажұрт», «родной край», «земля отцов» [26, с. 215]. «О, да, не о *Deutschland* думалось Гарри в одинокой ночи на балконе...» [26, с. 213]. «*Nun sage mir, was hat dich fort. Aus deiner Heimat getrieben? Heimat? Какая родина? Россия, что ли? Которая отторгнула, отвергла, изгнала тебя? И где твоя, спецпереселенец, родина, по которой смутно тоскует душа?*» [26, с. 213-214]. «И ещё казалось, что «немецкий вопрос», кроме немцев, никого не интересует. Друзья-казахи нередко искренне спрашивали у Гарри: «*Ей, осы сендерге не жетпейді?!* Живете лучше всех. А за спиной сытая, обеспеченная, благополучная Германия. Она вас не отталкивает. Чего вы-то шумите ?!» [26, с. 315]. «– Из Поволжья родом? – прогудел при первом знакомстве. – *Ia. Wolganegger*, – в шутку ответил Гарри. – Я так и подумал. Как с немецким? – *Wie soll ich sagen?* Чаше сбиваюсь на волжское наречие... – О, я? *Eine traurige Geschte*. Родился в колонии Ноймонталь на реке Молочной, на юге Украины. А далее где только не бывал! Долго рассказывать. Теперь Байкадамский немец. Думаю, застрял здесь навсегда» [26, с. 162-163]. «Всё больше российских немцев связывали свою дальнейшую судьбу с *родиной предков*. И опять немцы оказались на распутье» [26, с. 251]. «Гарри... пытался взглянуть на проклятый вопрос соплеменников со стороны, с высоты Эйфелевой башни, где казахстанская делегация проводила прощальный ужин пред возвращением на *родину*» [26, с. 281]. «Наши советские немцы были в годы войны не только трудармейцами в сталинских лагерях смерти, но и искренне защищали с оружием в руках свою *Малую Родину*» с. 303. [26, с. 303].

К лексическим особенностям обращения к теме родины в творчестве писателя является активное использование им пословиц и поговорок, фразеологических оборотов на русском, казахском и немецком языках: «Край родной – золотая колыбель!» [10]. «Джигит стремится на родину, а собака – где сытно пожрала» [10, с. 51]. «Длинна, долга дорога до дому» [10, с. 154]. «Родина там, где тебе хорошо». «Где родился, там и пригодился» [24]. «Конечно, человек не должен терять *чувство родины*» [8, с. 322].

Часто автор использует пословицы и поговорки на двух языках,]близкие по смыслу друг другу: «Die Liebe aus der Ferne bleibi am längster wagt» – «*На чужбине и любовь теплится дольше*» [8, с. 188]. «На *родине* и небо голубее» – «Daheim ist der Himmel blauer» [8, с. 207]. «Елу жылда ел жаңа» – «В пятьдесят лет земля обновляется» [24, с. 396]. «Восток ли, запад ли, а дома лучше» – «Ost und West, daheim das Best»; «Дома и собака ходит гордо» [10]. «Wer unter den seinen ist, der ist daheim» – «Кто живёт среди своих, тот дома» [8, с. 209].

Эти слова с полным правом можно отнести и к самому Герольду Бельгеру, его особенному положению казахстанского писателя и общественного деятеля в стране.

Используя пословицы, писатель пускается в долгие рассуждения о родине, пытаясь объяснить отношение к ней со стороны представителей разных национальностей и стремясь понять, какой смысл, важный для них, они вкладывают в это слово. «Существует много толкований понятия Родины. «*Родина там, где мне хорошо*», – убеждённо утверждают одни. «*Родина там, где мой пуп резан*», – считают другие. Знакомая российская немка, эмигрировавшая в Германию, уверяла меня, что *Родина* там, где счастливы её дети. Дескать, Германия для неё никак не *историческая родина* (ведь десять поколений её родичей связаны с Россией), но дети её обретут, наконец, постоянную родину. На эту тему постоянно размышляю я по образу жизни, по судьбе, по складу. Мне по душе казахская мудрость: «*Собака тянется к месту сытости, джигит к месту рождения*». Настоящие казахи не в силах бросать *родные места*, могилы предков. ...Чтобы человеку жить по-человечески, нельзя ему отрываться от *родной земли* – никак нельзя. Где же ему найти радость, как не в родном краю?» [25, с. 496-497].

«В пятьдесят лет обновляется земля», – гласит казахская поговорка. Мне вспомнилось, что созвучную мысль высказал некогда и Гете в беседе с Эккерманом: «... каждые пятьдесят лет дела человеческие претерпевают изменения...» А тут прошло почти дважды пятьдесят лет, и понятно, о подобных изменениях в этом краю не мог подозревать ни один переселенец на заре века [10].

Активно используются фразеологизмы в его произведениях: «Куда ни глянь – ни одной живой души»; «вылетело из головы» [10, с. 74]; «отправиться в вояж» [10, с. 76]; «пальчики оближешь» [10, с. 77]; «пустить на ветер» [10, с. 79]; «каинова печать переходного времени» [10, с. 254]; «паршивая овца из чужой отары» [10, с. 255]; «живёт как убога за пазухой», «коли нужда заставит», «сесть в последний вагон», «печать озабоченности на

челе» [10, с. 259]; «ни кола, ни двора», «душа не на месте» [10, с. 260]; «валял ваньку Саша» [10, с. 95]; «обобрала до нитки» [10, с. 97]; «вот где собака зарыта» [10, с. 108]. «В Германии сложнее. Был в Бишкеке на семинаре, оттуда и заехал *родные пенаты* проведать...» [10, с. 225]. «*Крохотный немецкий островок* на краю аула Туук су» [24, с. 231].

Обогащают язык произведений Герольда Бельгера и приведённые им в произведениях синонимы: *исконная земля, родные места, родной край, родная земля, родные места, малая родина, родина большая, родные пенаты, родимое пепелище, божий приют, родина предков, отчий дом*: «Это был *отчий дом*, в котором выросли пятеро братьев и две сестры Эрлихов... » [8, с.190].

Автор подчёркивает, что для него казахское слово «ел» священо и включает в себя очень много: «*мой край, моя родимая сторонюшка, край моих предков, моя малая родина, место, где мой пуп резан, край-опора, край-защита, край-отрада, земля мой чести, моей совести* и так далее. Вот что значит «ел». Без «ел» ты – песчинка, перекасти-поле, бездомный бродяга. К великому сожалению, *чувство Родины*, чувство привязанности к родной земле ныне приглушается, притупляется, а то и опошляется. Но без *Родины*, без этого ощущения Родины жизнь обесмысливается»; «Жить без *чувства Родины* – всё равно, что влачить существование без любви», – считает он [23].

Поэтому не случайно одним из наиболее используемых в творчестве Бельгера словом является *эль*, которому посвящено немало лирических монологов-отступлений в его прозе. Иногда автор задумывался над тем, какое именно место в его памяти отведено данному понятию, какой уголок родной земли он может действительно точно назвать своим элем: «Где он, *мой эль*? Какое место, какой уголок на земле я могу назвать, подобно Нукену и многим другим моим сверстникам этим словом – «*мой эль*»? Может, тот город на Волге, где я родился? Или село Мангейм Гнаденфлюрского кантона, родное село моих родителей, следует считать моим элем? Но разве могу я то местечко назвать своим *родным краем*, своим «*элем*», если десятки лет там ни разу не был и если оно просто – на просто более не существует? И названий-то таких – Мангейм, Гнаденфлюр, Зихельберг – и в помине не осталось. Вернее, названия эти остались лишь в памяти пожилых людей, тех, кому ныне за пятьдесят-шестьдесят, а вот от самих этих некогда многолюдных, цветущих сел в буквальном смысле и следа на земле не существует... По словам одного моего знакомого, бывшего жителя Мангейма, несколько лет назад посетившего отчий край, на месте школы и колхозной конторы торчат три чахлые акации – единственная примета той, не столь уж и давней жизни... Так, может, *мой эль* – казахский аул на берегу Ишима, где я вырос, учился, обрел друзей, приют и с которым связаны едва ли не лучшие мои воспоминания? О, да... это место я вспоминаю с благодарностью, с добром, ибо там я почувствовал себя человеком и оттуда, через Ишим, отправился в далекий путь жизни...» [10, с. 14-15].

Тема *эля* неизменно сливается с темой родного отчего края, когда автор не может разграничить эти понятия в своём сердце и в своей памяти, – для него они являются взаимозаменяемыми синонимами. Герольд Бельгер с одинаковой любовью и нежностью называет *элем* как место своего рождения в немецком городке на Волге, так и казахский аул, навсегда ставший для него и его близких родным домом. Теме казахского *эля* как родине он посвятил целые лирические монологи, наполненные уважением к земле, раз и навсегда принявшей его и к аулчанам, окружившим его и родных ему людей заботой и вниманием на долгие-долгие годы:

«В памяти всплыли недавние слова взбудораженного своим юбилеем Нукена: «*мой эль*», «*родной эль*», «а тебя ведь не *родной край* ждет». В каждом языке существуют такие слова, значения которых гораздо шире и объемнее, чем их примерный синоним в других языках. Они часто просто не имеют адекватности. Вот, к примеру, казахское слово «эль». Перевести его на русский язык можно как «население», «народ», даже – «страна». Так это слово толкуется в словарях. И это в общем-то верно, хотя при этом теряются кое-какие весьма значительные нюансы. Вот что означает столь короткое слово «эль». Оно, слово это, произносится с радостью, с гордостью, с любовью. И что бы ни случилось на свете, пусть даже небо обрушится на землю, если человек вправе говорить «*мой эль*», он не потерян, он не песчинка, он не бездомный бродяга. Ибо у него есть корни, и никакая черная буря не может его сорвать и погнать по земле, точно куст перекасти-поля, находящий себе пристанище в каком-нибудь овраге, где и суждено ему сгнить, истлеть. Счастлив, благословен тот смертный, обладающий этим бесценным даром – всюду и везде громогласно заявлять: «*МОЙ ЭЛЬ*». И как мне понятны гордость, возбуждение, неумная радость моего собрата по перу Нукена, решившего отметить свой первый юбилей в своем *родном краю*. Он ведь чувствует свою ответственность, свой сыновний долг перед *родимой сторонкой*, где жили и умерли его предки, где живут и поныне его родственники, где вырос он сам, откуда уехал в большой город, стал известным писателем, написал несколько книг, в которых воспел *свой край*, *свой эль*, своих земляков...

Вдали от дома, от своего *родного края*, от своего *кровного эля*, непременно обнищает душа, теряются или тускнеют какие-то неведомые, но ощутимые качества твоей человеческой сути. И нетрудно представить, как встретят его там, в родном ауле, в окрестных аулах, как отовсюду соберутся люди, чтобы поглядеть на своего именитого земляка, разделить с ним его скромное торжество, помянуть мертвых, благословить и вдохновить своего птенца на новые свершения. Пай, пай! Какой вкус, какой аромат! Это тебе не городская мокрая сосиска! Э-э... верно, верно: *родной эль* – *золотая колыбель*. И вода родного края – слаще и даже пыль *родной земли* – благодать.

...И я чувствовал себя не только сыном отца, но сыном аула, душой проникался, что это мой аул, мой *эль*, и, вернувшись в город, говорил всем знакомым с понятной и законной гордостью: «Вернулся из *эля*», «Навестил *эль*», и это звучало так естественно, так искренне, что никто ни разу не

усмотрел некой странности, некоторого, что ли, несоответствия между этим исконно казахским выражением и моим явно не казахским обличем.

Но время идет, обстоятельства диктуют свою волю. Родители уехали вслед за дочерьми, повыскакивавшими замуж, все более тончала нить связей с тем аулом на берегу Есиля, да и аул весь изменился, ушли старики, помнившие меня ребенком, сменилось поколение, и ныне в том краю и нравы иные, и внуки тех стариков, которые когда-то благословляли меня, знают обо мне разве что по слухам, да по моим писаниям, и я никак не сподоблюсь навестить тот уголок земли, и сейчас вроде уже не к лицу мне называть его своим «элем», ибо теперь это звучит нарочито, с некой натяжкой, неубедительно.

Так что же получается? Выходит, у меня нет *родимой сторонюшки*? Нет моего *эля*? Чудесно: есть большая *родина*, где предки мои живут более двух веков, а малой – нет? Нет на огромных просторах моей необъятной *родины* крохотного уголка, который я мог бы назвать моим *элем*? Разве такое может быть? Не то ли имел в виду, сам того не ведая, Нукен, когда давеча как бы вскользь бросил: «Тебя ведь *не край родной* ждет»? Или один я такой бедолага на целом свете? О, нет... не один, не один. Не случайно мой друг, поэт написал как-то стихотворение, в котором задал себе все тот же вопрос: «Где мои корни?», и, перебрав, точно четки, длинный ряд своих сомнений, пришел к бодрому выводу, что корни его всюду, где сияет солнце, где звучит смех, где слышатся звуки родной речи. Совсем немало, конечно, и утешительно, и поэтически эффектно. Но, кажется мне, поэт искал совсем другие корни и, запутавшись в своих сомнениях, скоропалительно прибегнул к испытанной метафоре.

Все на свете объяснимо. И для всего на свете можно подобрать доказательства. Так отчего печаль? Отчего взбаламутилась душа? От сознания того, что у каждого живущего на земле должен быть свой *эль*, должны быть свои корни? Должны быть, но не всегда бывают? Или от сознания того, что возможность – или необходимость, или вынужденность – переноситься с места на место связана с неизбежными и чаще всего горькими утратами и уничтожает различие в нравах и образе жизни, что не всегда благо? Или оттого, что малые истины в человеческой жизни не менее важны, чем истины большие? И настоящая гармония наступает лишь тогда, когда эти истины находятся в соответствии? Или от яростного несогласия с тем, что человек – всего лишь песчинка в мироздании? Оттого ли печаль?» [10, с. 12].

Для писателя Г. Бельгера характерно использование монологов-рассуждений на темы, близкие ему, прочувствованные и пережитые им самим за долгие годы авторского и жизненного пути. О них он пишет очень проникновенно, с большой любовью, с чувством боли и гордости одновременно. Чувство родины у него неотделимо от чувства памяти, с самого детства занявшего одно из главных и важных мест в его душе. Любовь и боль его также имеют и немецкие, и казахские, и русские корни, наполнены одинаковыми по сути и глубине переживаниями и радостями.

За всё, что происходило в жизни его родственников и односельчан в трудные военные и послевоенные годы, он готов взять бремя ответственности на себя. Его книги – дань памяти, любви и уважения к тем людям, многих из которых уже нет в живых и напоминание нынешнему поколению о том, как надо любить свою землю, свой народ, беречь прошлое и жить достойно, соблюдая нравственные законы бытия. Простым, доступным языком, примером собственной жизни неутомимого труженика, равнодушного автора и человека, патриота своей страны, он обращается к нам со страниц своих художественных, критических, публицистических произведений, а также в многочисленных интервью и встречах с читателями.

Автор подчёркивает, что для него казахское слово «ел» священно и он приходит к такому выводу о ставшей ему родной и близкой навсегда казахской земле: «...Оно включает в себя очень много – *мой край, моя родимая сторонюшка, край моих предков, моя малая родина*, место, где мой пуп резан, *край-опора, край-защита, край-отрада, земля моей чести, моей совести* и так далее. Вот что значит «ел».

Без «ел» ты – песчинка, перекасти-поле, бездомный бродяга. К великому сожалению, чувство Родины, чувство привязанности к родной земле ныне приглушается, притупляется, а то и опошляется. Но без *Родины*, без этого ощущения *Родины* жизнь обесмысливается. «*Родина* там, где я сыт» – на мой взгляд, собачья мудрость. «*Родина* там, где мне хорошо» – сомнительный постулат». «Жить без *чувства Родины* – всё равно, что влачить существование без любви», – считает он [23].

Сам автор после многочисленных творческих и человеческих раздумий и размышлений о родине в публицистических и художественных произведениях, приходит к следующим выводам о том, что чувство родины неотъемлемо от чувства кровного родства между людьми, связанными близкими отношениями: «И все же хочется думать, что между такими понятиями, как «родной край», «отчий дом», «моя земля», «мои родичи», «мои земляки», «страна», «сограждане», «Родина» существует извечная, кровная взаимосвязь, и выпадение любого звена из этой цепи – по вине ли отдельного человека или в силу стечения обстоятельств, все равно – всегда, во все времена несчастье, трагедия. И необходимость всячески объединять усилия, чтобы связь эта не нарушалась. Влекомые повседневными суетными делами и делишками, мы не всегда понимаем, не всегда сознаем людскую и уже – родственную взаимосвязь. А ведь не откуда-нибудь, а именно от нее тянется нить к человеческим взаимосвязям и от них – к всечеловеческим, общечеловеческим».

Чувства эти, по мнению писателя, составляют огромную силу, надёжную связь для всех людей, объединённых не только общностью родины, но и настоящим родством, способным и защитить, и спасти, и сохранить, как в минуты опасности, всеобщего бедствия, так и в мирные дни: «И не всегда помним, что, каждый из нас в отдельности – будь мы хоть семи пядей во лбу – ничто, песчинка, пылинка, если за нами не стоит надёжной опорой крепкая, спаянная, многочисленная родня».

Таковы герои многих произведений Герольда Бельгера, в которых показаны как реально существующие многочисленные родственники, друзья и знакомые самого автора, так и вымышленные персонажи. Чувство родины сливается для него с восприятием огромной, щедрой, гостеприимной казахской (русской, немецкой) земли, сумевшей принять и обогреть многочисленных сыновей и дочерей не только в минуты радости, но и во время опасности и невзгод. Чувство родины также ассоциируется у него с чувством счастья, надёжности, защищённости и постоянства: «И еще: печаль и счастье исстари ходят бок о бок, рядком. Оттого, может, и печаль, что где-то неподалеку притаилось счастье, к которому тянется душа, как к чему-то неведомому и прекрасному? А, может, счастье есть надежда? Может, в конкретной надежде сокрыта тайна счастья?...И вот теперь предстала она передо мной, вобравшая в себя столько судеб, столько жизней, немалый отрезок истории, приют некогда сырых и обездоленных, а теперь благодатная обитель, каких много, просто не счесть всюду в нашей стране, и на севере, и на юге, и на западе и востоке, современная центральная усадьба со всем тем, что окружает нынешнего сельского человека, украшает его жизнь, его суть, его повседневное бытование».

Его рассуждения, переданные в рассказе «Пепелище», полностью передают нравственные ориентиры, которых всю свою жизнь придерживался Герольд Бельгер и им же следовали многие герои его произведений: «Я ловлю себя на мысли, что гнездо дедов и прадедов, *родимое пепелище*, место, где был резан твой пуп, дом, в котором ты обитал вместе с родителями и единоутробными братьями и сёстрами, откуда ты пошёл и есть, где встал на крыло, – священные обозначения, главный исток и ориентир, твоя честь, достоинство, опора, вечная надежда и память. Проще говоря, твои корни, которые, поелико возможно, не следует перерубить, вырвать, вытравить» [3, с. 375].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследованиях последнего времени наблюдается тенденция рассмотрения основных концептов познания через призму философии, культуры, языка и этнографии.

В целом, в истории человечества основные концепты, вокруг которых сконцентрированы все другие ценности бытия, и от которых зависят многие основополагающие аспекты существования человека – индивидуума – этноса, а шире – всего человечества, вытекают из таких концептов, как «время», «судьба», «жизнь» и др. Являясь общепринятыми в разнокультурных контекстах, они отличаются некоторыми специфическими, свойственными той или иной культуре понятиями, которые отражаются в языке.

А. Вежбицкая в работе «Понимание культур через посредство ключевых слов» («Частотность слов и культура») пишет: «Наряду с «культурной разработанностью» и «частотностью», ещё один важный принцип, связывающий лексический состав языка и культуру, – это принцип «ключевых слов»...

«Ключевые слова» – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры. Например, в своей книге «Семантика, культура и познание»... я попыталась показать, что в русской культуре особенно важную роль играют русские слова *судьба*, *душа* и *тоска* и что представление, которое они дают об этой культуре, поистине неопределимо...

Такие ключевые слова, как *душа* или *судьба*, в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти; потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный «клубок» установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространённых сочетаниях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д.

Например, слово *судьба* приводит к другим словам, «связанным с судьбою», таким, как *суждено*, *смирение*, *участь*, *жребий* и *рок*, к таким сочетаниям, как *удары судьбы*, и к таким устойчивым выражениям, как *ничего не поделаешь*, к грамматическим конструкциям, таким, как всё изобилие безличных дативно-инфинитивных конструкций, весьма характерных для русского синтаксиса, к многочисленным пословицам и так далее».

Концепты *Память*, *Судьба* и *Родина* в немецком, казахском и русском языках являются одними из ключевых и уникальных способов национально-специфического освоения мира и основываются на изучении произведений поликультурного писателя Г. Бельгера.

Творчество нашего автора представляет собой уникальное соединение ментальности Запада, с присущими ему индивидуализмом и рационализмом, и Востока, со свойственными ему коллективизмом, духовностью и мудростью.

Целью настоящего монографического исследования является описание специфики концептов *судьба*, *память* и *родина* в лингвокультурологическом аспекте и особенностей их вербализации в произведениях Герольда Бельгера.

В языке и творчестве поликультурного казахстанского писателя Герольда Бельгера, как в капле воды, отражаются мировые интеграционные процессы XX-XXI веков в социальной сфере.

Научное рассмотрение проблем межэтнической коммуникации и инфильтрации элементов культуры и языка в творчестве одного человека предполагает выявление ее общетеоретических основ. Она базируется на важнейших положениях философии языка, разработанных в классических и современных исследованиях по проблемам взаимосвязи языка, мышления и этноса.

Обращение к этим исследованиям объясняется сутью самого явления межэтнической речевой коммуникации. Компоненты данной триады в нашем исследовании объединяются фигурой неординарной языковой личности Г. Бельгера.

В творчестве Г. Бельгера, немца по происхождению, россиянина по исторической судьбе своего народа, казаха по образованию и воспитанию, ярко, как в зеркале, отражается межэтническая культура народов, и, как в призме, преломляется и обогащается в произведениях Бельгера немецкая, казахская и отчасти русская речь.

В восприятии картины мира Г. Бельгером фантастическим образом уживаются русское «всепонимание и всевосприимчивость, доверчивое, впускающее отношение к миру» (он, хотя и немец, но российский), тогда как в немецком менталитете – отношение к миру не открыто доверчивое, для него характерно «замкнутость в себе, свой дом, *Haus* (в отличие от *Raum*, пространство), свое «я», захлопнутость двери...».

Термин *концептосфера*, введённый в науку Д.С. Лихачёвым, не только сумма концептов личности и общества, сохраняющая и воспроизводящая в индивиде и обществе духовное богатство народа, но и инструмент для развития на её базе личности и общества. Концептосфера, таким образом, даёт потенциальную возможность к развитию и обогащению личности и общества.

Г. Бельгер, являвшийся единственным в Казахстане немцем среди творческой интеллигенции, который в совершенстве говорил и писал на русском, немецком и казахском языках, представляет собой исключительную личность. Богатая разнообразная художественная и публицистическая деятельность писателя предоставляет нам редкий шанс изучать языковую личность на основе созданных им текстов.

Автор был оторван от немецкой языковой среды, поэтому перед сном читал вслух на немецком, стараясь сохранить артикуляционную базу немецкого речестроя. Он сознательно культивировал в себе немца, не возражая, когда подчеркивали его «казахскость», но предпочитал всё же быть немцем.

Недаром немецкий издатель Эрнст Кончак назвал Герольда Бельгера казахско-немецко-русско-советским писателем.

Это созвучно мыслям Н.Г. Чернышевского, высказанным в предисловии к русскому переводу «Всеобщей истории» Г. Вебера: «Любовь к своей нации обязывает людей быть признательными тем народам, влияние которых было полезно для нее».

Таким образом, изучение национальных мировоззренческих концептов *судьба*, *память* и *родина* очень важно для установления межличностных межнациональных отношений. Исследование данных концептов приобретает ещё большую значимость для людей, исторически проживающих на определённой территории или пришедших туда по своей воле или злой воле (как в данном случае) относительно недавно.

Поэтому изучение творчества такой уникальной поликультурной личности, как Г. Бельгер, хорошо синтезировавшей культурное наследие трёх народов, как в зеркале отражает нюансы глубинных чувств, в первую очередь немцев, депортированных в Казахстан; казахов, жизнь которых он наблюдал как казах изнутри и русских, разговорным и письменным языком которых он пользовался и которые, как в своё время немцы, оказались чужими на своей родной земле.

Исключительное положение Герольда Бельгера в казахской литературе и в казахском обществе можно назвать, вслед за Ириной Сандомирской, «нигде на родине» и «езде на родине» [26, с. 20]. Сам автор хорошо выразил эти ощущения своей жизнью и творчеством.

Таким образом, решена проблема художественного полиязычия как феномена активизации литературы без границ, переосмыслен живой, развивающийся и неоднозначный литературный феномен, каким является творчество удивительного мастера художественного слова, нашего современника Герольда Карловича Бельгера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Ананьева, С.В. Корейская литература: концепт «память» и ритм времён [Текст] / С.В. Ананьева. – 2012. – koresaram.kz/korejskaya-literatura.
- 2 Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-66.
- 3 Апресян, Ю.Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
- 4 Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект [Текст] / Ю.Д. Апресян.– М.: Русские словари, 1995. – с. 393-400.
- 5 Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [Текст] / Е. Бартминьский. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
- 6 Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 445 с.
- 7 Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память [Текст] / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – 1408 с.
- 8 Вежбицка, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва [Текст] / А. Вежбицка. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- 9 Вежбицка, А. Судьба и предопределение [Текст] / А. Вежбицка. // Путь. 1994. – № 5. – М., 1994. – С. 82-150.
- 10 Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. / Монография. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. техн. ун-та, 2002. – 142 с.
- 11 Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев. // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79-95.
- 12 Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа [Текст] / В.И. Даль. – М.: Диамант, 1998. – 544 с.
- 13 Дмитровская, М.А. Философия памяти [Текст] / М.А. Дмитровская. // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 78-85.
- 14 Зейферт, Е.И. Этническая картина российских немцев: постановка проблемы [Текст] / Е.И. Зейферт.// Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и решения в лингвистике. Мат. I междунар. научн. конф. (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.): в 4 ч. – Вып. 8. – Ч. 3. – Кемерово, 2006. – С. 41-46.
- 15 Зейферт, Е.И. Этническая картина мира российских немцев [Текст] / Е.И. Зейферт. // Новые российские гуманитарные исследования (Этнология).– 2010.–№5.–
getmedia.msu.ru/newspaper/creators_vector/article/zejfert/picture.htm.
- 16 Зейферт, Е.И. Ловец смыслов, или Культурные слои. Книга критики [Текст] / Е.И. Зейферт. – М.: МСНК-пресс, 2010. – 272 с.

- 17 Игнатова, Е.М. Концепт родина в идеологическом дискурсе (на материале немецкой политической пропаганды 20-40-х гг. XX в.) [Текст]: дис. ... канд. фил. наук / Е.М. Игнатова. – Москва, 2008. – 160 с.
- 18 Когнитивная психология. Учебник для вузов. / Под ред. В.Н.Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.
- 19 Кубрякова, Е.Е. Память и её роль в исследовании речевой деятельности [Текст] Е.С. Кубрякова. // Текст в коммуникации. – М., 1991. – С. 4-21.
- 20 Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память [Текст] Е.С. Кубрякова. // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 85-91.
- 21 Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Мысль, 2004. – С. 48-49.
- 22 Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачёв. // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. – 1993. – № 1. – С. 3-9.
- 23 Павлова, А.А. «Концептосфера внутрисемейных родословных» [Текст]: дис. ... канд. фил. наук / А.А. Павлова. – Белгород, 2004. – 150 с.
- 24 Ревзина, О.Г. Память и язык [Текст] / О.Г. Ревзина. // Критика и семиотика. – Вып. 10. – Новосибирск, 2006. – С. 10-24.
- 25 Рикёр, П. Память, история, забвение [Текст] / П. Рикёр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
- 26 Сандомирская, И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик [Текст] / И. Сандомирская. – Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. – Sonderband 50. – 281 с.
- 27 Сергеева, Е.Н. Репрезентация концепта «судьба» (Языковой и лингвокультурологический аспекты на материале русского языка) [Текст]: дис. ... канд. фил. наук / Е.Н. Сергеева. – Уфа, 2005. – 263 с.
- 28 Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Т. 4. С-Я. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.
- 29 Соловьев, В.С. Судьба Пушкина [Текст] / В.С. Соловьев. // Пушкин в русской философской критике: конец XIX-первая половина XX в. – М.: Книга, 1990. – С. 179.
- 30 Солсо, Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо. – СПб.: Издательский дом «Питер», 2006. – 589 с.
- 31 Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 174.
- 32 Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
- 33 Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.). – <http://ushakovdictionary.ru>.
- 34 Толстая, С.М. Слав. *svoję: семантика и аксиология. – Т. 20 [Текст] / С.М. Толстая. // Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin, 2008. – S. 29-38.

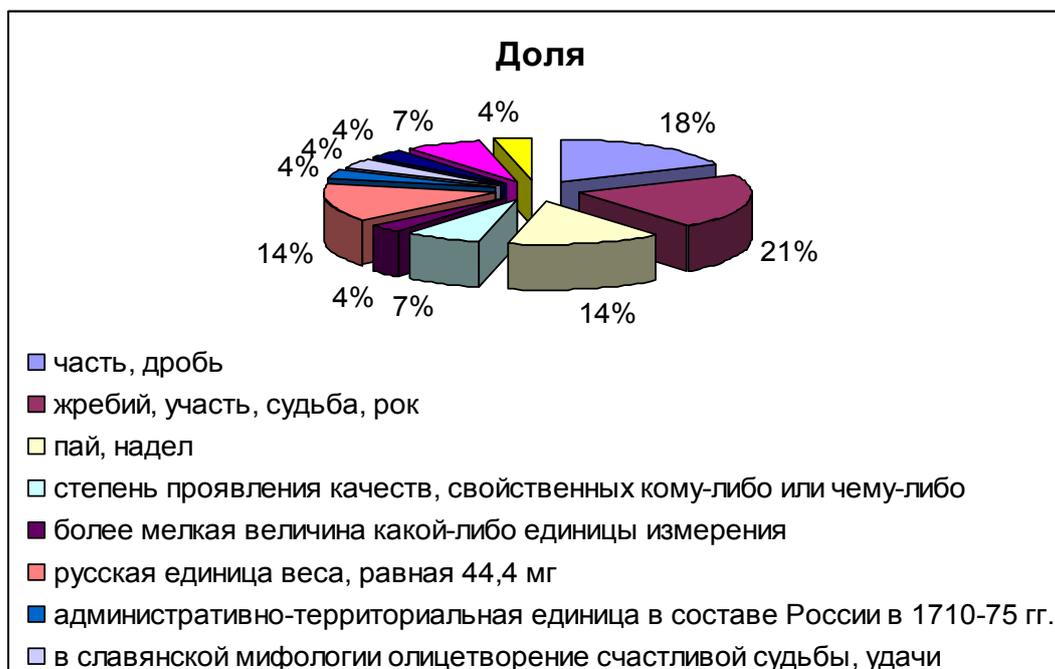
- 35 Туровский, В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить [Текст] / В.В. Туровский. // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 91-95.
- 36 Шаталова, О.В. Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века (лингвокультурологический аспект) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Шаталова. – Уфа, 2005. – 250 с.
- 37 Шмелёв, А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю [Текст] / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
- 38 Шмелёв, А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира. [Текст] / А.Д. Шмелёв. // Русское слово в мировой культуре: пленарное заседание. – Т.1. – СПб, 2003. – С. 25-36.
- 39 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. / Пер. с нем. О.Н. Трубачева [Текст] / М. Фасмер. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. – 832 с.
- 40 Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер. // Время и бытие. Статьи и выступления. – М., 1993. – С. 401.
- 41 Хуторцова, М.И. Лингвоментальный компонент «родная земля» в русской культуре: предпосылки и основания его описания [Текст] / М.И. Хуторцова. // Лінгвістика. Лінгвокультурологія: зб. наук. пр. / редкол.: О.І. Панченко (відп. ред.) та ін. – Т. 5. – Д.: Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2012. – 180 с.
- 42 Rene Dirven and Marjolijn Verspoor. Cognitive Exploration of Language and Linguistics [Текст] / R. Dirven, M. Verspoor. – Amsterdam / Philadelphia, 1987. – P. 14, 86.

Список текстов художественных, критических и публицистических
произведений Герольда Бельгера

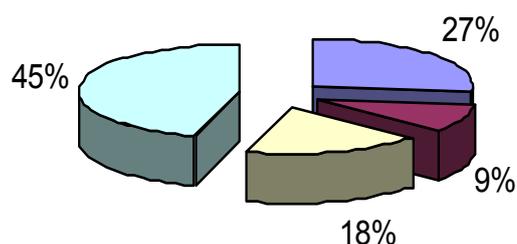
- 1 Бельгер, Г. Каменный брод [Текст] / Г. Бельгер. – Алма-Ата: Казахстан, 1973. – 64 с.
- 2 Бельгер, Г. Мотивы трех струн [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Жазушы, 1986. – 112 с.
- 3 Бельгер, Г. Родство: Статьи и очерки. [Текст] / Г. Бельгер. – Алма-Ата: «Қазақстан», 1991. – 256 с.
- 4 Бельгер, Г. Казахское слово [Текст] / Г. Бельгер. – Астана: Елорда, 2001. – 128 с.
- 5 Бельгер, Г. Тихие беседы на шумных перекрестках: Эссе [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: «Арыс», 2001. – 150 с.
- 6 Бельгер, Г. Аул [Текст] / Г. Бельгер. // Мысль. – 2002. – № 9. – С. 41-50.
- 7 Бельгер, Г. О творчестве Эдмунда Матера [Текст] / Г. Бельгер. // Евразия. – 2003. – № 3. – С. 81-93.
- 8 Бельгер, Г. Дом скитальца [Текст] / Г. Бельгер. – Астана: «Баспаса», 2003. – 376 с.
- 9 Бельгер, Г. Рыжий Рысбек из аула Кастек [Текст] / Г. Бельгер. // Тан-Шолпан. – 2004. – № 2. – С. 164-183.
- 10 Бельгер, Г. Дождь со снегом. Рассказы и миниатюры [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Атамұра, 2005. – 360 с.
- 11 Бельгер, Г. Эль [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: «Галым», 2005. – С. 23-26.

- 12 Бельгер, Г. Плетенье чепухи [Текст] / Г. Бельгер. // Нива. – 2006. – № 11. – С. 98-136.
- 13 Бельгер, Г. Земляника степная [Текст] / Г. Бельгер. // Тан-Шолпан. – 2006. – № 2. – С. 166-176.
- 14 Бельгер, Г. Те скорбные дни (из дневника) [Текст] / Г. Бельгер. // Нива. – 2006. – № 12. – С. 4.
- 15 Бельгер, Г. Тень дней минувших. Дневники 1961-1989 годов [Текст] / Г. Бельгер. // Простор. – 2007. – № 2. – С. 115-136.
- 16 Бельгер, Г. Книга рецензий. Постфактум [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы. – 2007. – 380 с.
- 17 Бельгер, Г. Плетенье чепухи [Текст] / Г. Бельгер. // Нива. – 2008. – № 9. – С. 102 - 142.
- 18 Бельгер, Г. Плетенье чепухи [Текст] / Г. Бельгер. // Нива. – 2008. – № 10. – С. 62-82.
- 19 Бельгер, Г. Плетенье чепухи (из 12-ой тетради) [Текст] / Г. Бельгер // Нива. – 2008. – № 9. – С. 129-149.
- 20 Бельгер, Г. Каменный брод [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: «Балалар әдебиеті». – 2009. – 325 с.
- 21 Бельгер, Г. Стезя литературного критика [Текст] / Г. Бельгер. // Простор. – 2009. – № 3. – С. 45-52.
- 22 Бельгер, Г. Из дневниковых записей [Текст] / Г. Бельгер. // Простор. – 2010. – № 12. – С. 66-91.
- 23 Бельгер, Г. Я покорен красотой казахского языка / бесед. Е. Брусиловская // Казахстанская правда. – 05.09. 2010. – www.altyn-orda.kz/ru/gerold-belger-ya-rokoren-krasotoj-kazahskogo-yazyka/.
- 24 Бельгер, Г. Туяк су. Роман, рассказы, эссе. Т. 4. [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: «Балалар әдебиеті», 2011. – 400 с.
- 25 Бельгер, Г. Разлад. Роман, литературные портреты. Т. 5 [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: «Балалар әдебиеті», 2011. – 562 с.
- 26 Бельгер, Г. Зов. Роман-исповедь. Т. 6. [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: «Балалар әдебиеті», 2011. – 400 с.

Диаграмма судьбы в русских словарях

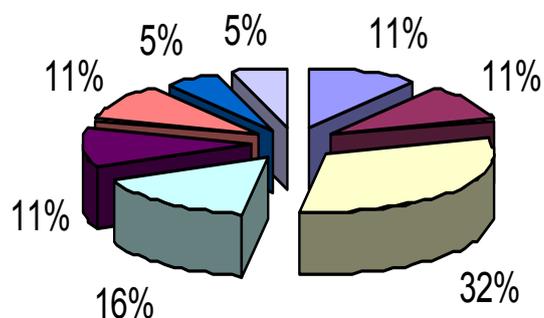

Жребий

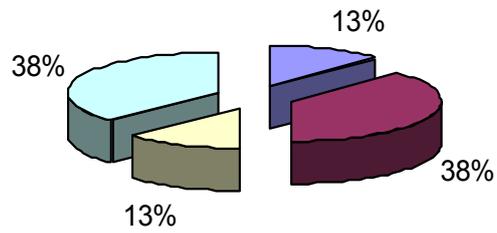
- судьба, участь
- решение спора путем вынимания услованого предмета из числа других подобных
- условный предмет, вынимаемый из множества других при споре
- определение слова отсутствует в словаре

Рок

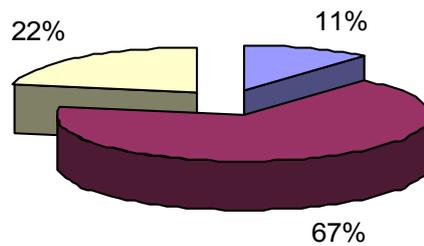
- год, лето
- срок, урочное время
- судьба, предопределение
- то же, что рок-музыка
- то же, что рок-н-ролл
- относящийся к рок-музыке
- роковой, гибельный
- определение слова отсутствует в словаре

Фатум

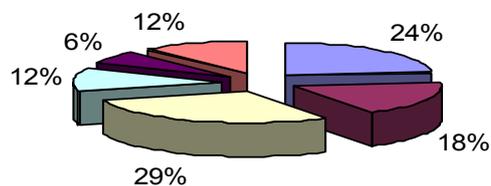
- фатальный, роковой, неизбежный
- судьба, рок, неизбежность
- в Древнем Риме олицетворение судьбы
- определение слова отсутствует в словаре

Участь

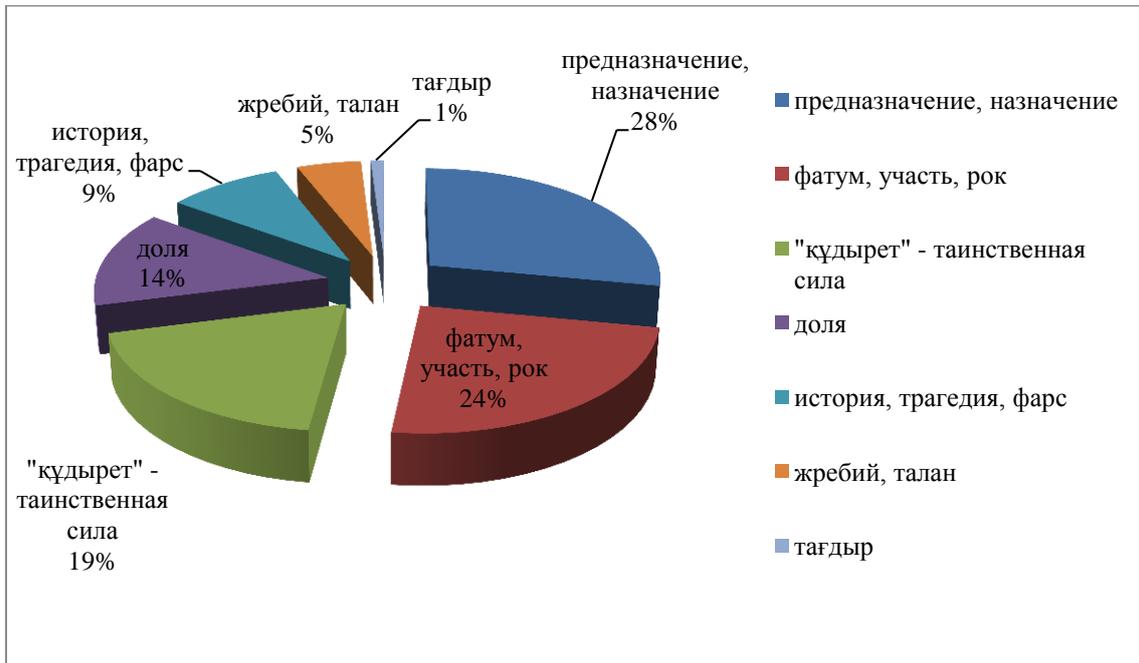
- кому на роду написано
- жизненные обстоятельства, доля, судьба
- определение слова отсутствует в словаре

Удел

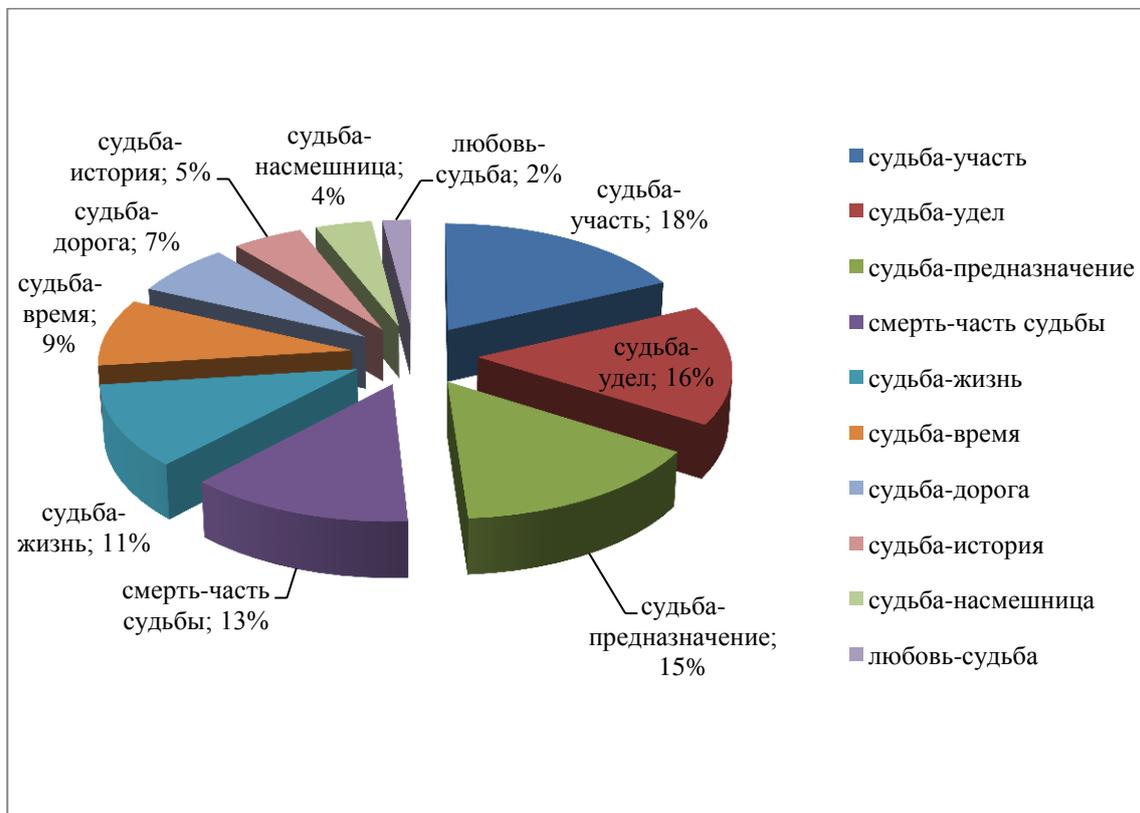

- в феодальной Руси - отдельно управляемая часть княжества
- в царской России - земли, недвижимое имущество, принадлежащие царской земле
- судьба, участь
- часть, доля, данная кому-либо
- определение слова отсутствует в словаре

Диаграмма концепта *судьба* в произведениях Г. Бельгера

Образование композитных терминов концепта *судьба* у Г. Бельгера

А.М. Кусаинова

**Мировоззренческие концепты в творчестве поликультурного
казахстанского писателя Г. Бельгера**

Формат 60x84 1/16
Бумага офисная.
Печать цифровая
4,875 усл. печ. л.
Тираж 100 экз.

Отпечатано: ТОО «New Line Media»
г. Костанай, пр. Аль-Фараби, 115, оф. 512
тел.: 8(7142) 53-11-47, 53-06-71
e-mail: geosprint@mail.ru